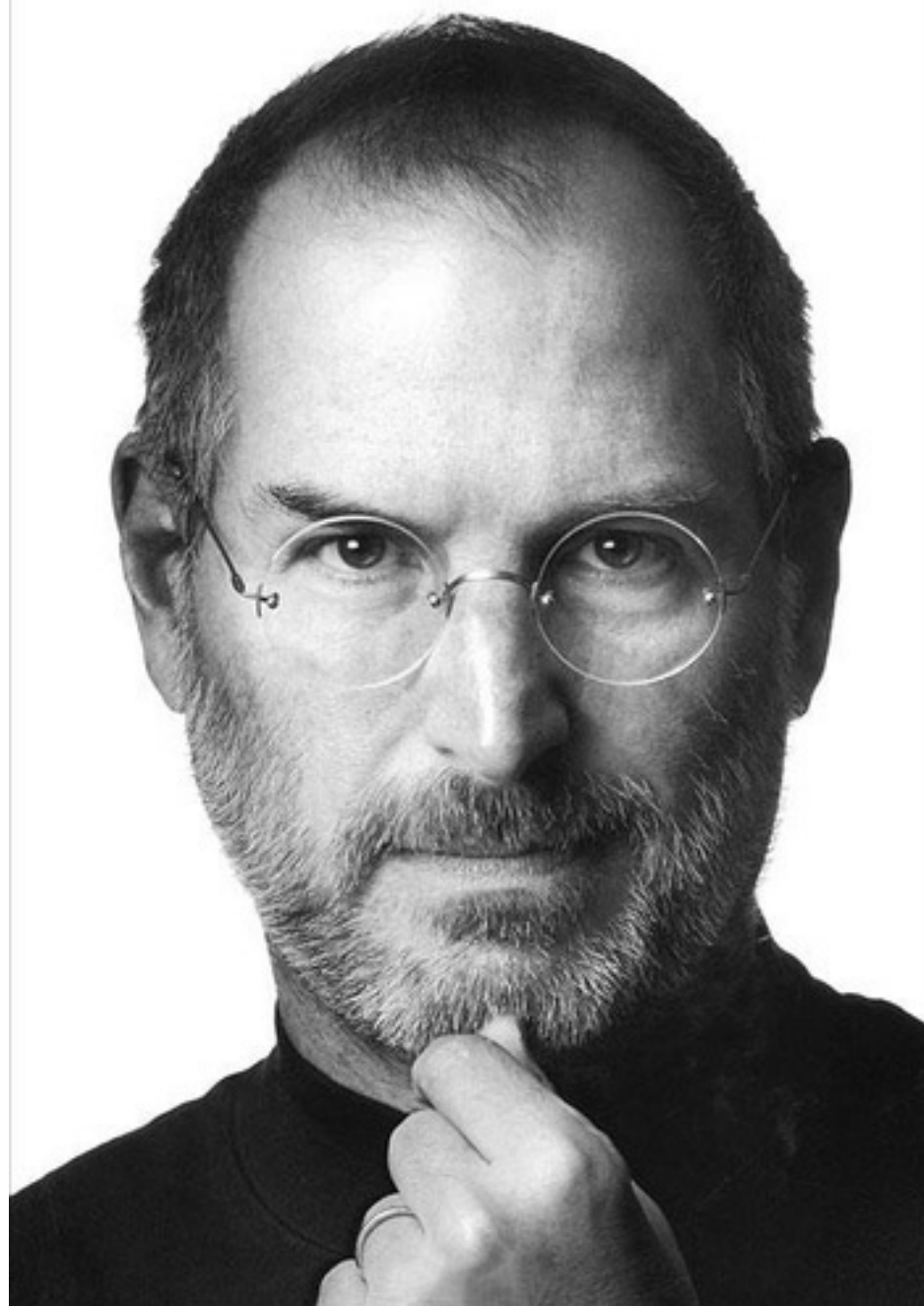

Стив Джобс Уолтер Айзексон

Уолтер Айзексон

Стив Джобс

«Издательство АСТ»

2011

Айзексон У.

Стив Джобс / У. Айзексон — «Издательство АСТ», 2011

ISBN 978-5-271-39378-5

В основу этой биографии легли беседы с самим Стивом Джобсом, а также с его родственниками, друзьями, врагами, соперниками и коллегами. Джобс никак не контролировал автора. Он откровенно отвечал на все вопросы и ждал такой же честности от остальных. Это рассказ о жизни, полной падений и взлетов, о сильном человеке и талантливом бизнесмене, который одним из первых понял: чтобы добиться успеха в XXI веке, нужно соединить креативность и технологии.

ISBN 978-5-271-39378-5

© Айзексон У., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Действующие лица	5
Предисловие: как появилась эта книга	8
Глава 1. Детство. Брошен и выбран	14
Глава 2. Странная парочка. Два Стива	26
Глава 3. Исключение из школы. Включайтесь, настраивайтесь...	32
Глава 4. Atari и Индия. Дзен и дизайн игр	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Уолтер Айзексон

Стив Джобс

Безумцы, уверенные, что способны переделать мир, на самом деле его меняют.

Из рекламного ролика Apple «Думай иначе», 1997 год

Действующие лица

Клара Агопян-Джобс. Дочь армянских эмигрантов. В 1946 году вышла замуж за Пола Джобса. В 1955 году супруги усыновили Стива.

Джонатан «Джони» Айв. Ведущий дизайнер *Apple*, партнер и доверенное лицо Джобса.

Роберт Айгер. С 2005 года – преемник Эйснера на посту главы *Disney*.

Гил Амелио. В 1996 году стал исполнительным директором *Apple*, купил *NeXT*, вернул Джобса.

Билл Аткинсон. Один из первых сотрудников *Apple*, разработчик графических программ для *Macintosh*.

Крисэнн Бреннан. Девушка Джобса в школе Хоумстед, мать его дочери Лизы.

Лиза Бреннан-Джобс. Дочь Джобса и Крисэнн Бреннан. Родилась в 1978 году. Сначала Джобс ее не признавал.

Нолан Бушнелл. Основатель компании *Atari*. Образец бизнесмена для Джобса.

Джеймс Винсент. Младший партнер Ли Клоу и Дункана Милнера в рекламном агентстве *Apple*. Уроженец Великобритании. Меломан.

Стивен Возняк. Закончил школу в Хоумстеде. Гик и компьютерный гений. Джобс придумал, как лучше преподносить и продавать его удивительные монтажные схемы.

Жан-Луи Гассе. Глава *Apple* во Франции. В 1985 году после увольнения Джобса возглавил подразделение *Macintosh*.

Билл Гейтс. Еще один компьютерный вундеркинд 1955 года рождения.

Абдулфатта «Джон» Джандали. Биологический отец Стива Джобса и Моны Симпсон. Родился в Сирии, окончил Университет Висконсина. Впоследствии заведовал службой питания в *Boomtown Resort & Casino* неподалеку от Рено.

Ив Джобс. Младшая дочь Стива Джобса и Лорен Пауэлл. Энергичная, подвижная, живая.

Патти Джобс. Приемная дочь Клары и Пола Джобса. Удочерена спустя два года после того, как усыновили Стива.

Пол Рейнголд Джобс. Приемный отец Стива. Родился в Висконсине. Служил в береговой охране.

Рид Джобс. Старший сын Стива Джобса и Лорен Пауэлл. Унаследовал обаятельную внешность отца и доброту матери.

Эрин Джобс. Средняя дочь Стива Джобса и Лорен Пауэлл. Тихая, спокойная, серьезная.

Рон Джонсон. Нанят Джобсом в 2000 году для продвижения магазинов *Apple*.

Андреа «Энди» Каннингем. Рекламный агент в компании Реджиса Маккенны. Сотрудничала с Джобсом, когда появились первые компьютеры *Macintosh*.

Джеффри Катценберг. Глава *Disney Studios*. В 1994 году поссорился с Эйснером, уволился и стал соучредителем *Dream Works SKG*.

Ли Клоу. Дерзкий рекламный гений, автор кампании *Apple* «1984». Работал с Джобсом на протяжении 30 лет.

Дэниел Коттке. Лучший друг Джобса по университету Рид, путешествовал вместе с ним по Индии, один из первых сотрудников *Apple*.

Дебора «Деби» Коулман. Отважный менеджер команды *Mac* раннего периода. Впоследствии отвечала в *Apple* за производство.

Тим Кук. Главный операционный директор (с 25 августа 2011 года – генеральный директор) *Apple*. Надежный и спокойный человек. Принят Джобсом на работу в 1998 году.

Эдди Кью. Глава интернет-подразделения и вице-президент *Apple*. Правая рука Джобса во всем, что касается сотрудничества с компаниями – поставщиками контента.

Билл Кэмпбелл. Начальник отдела маркетинга в первый период работы Джобса в *Apple*. После возвращения в 1997-м – член совета директоров и доверенное лицо Джобса.

Эдвин Кэтмалл. Один из основателей *Pixar*; впоследствии глава *Disney*.

Джон Лассетер. Один из основателей и главных креативщиков *Pixar*.

Дэниел Левин. Директор по маркетингу, работавший с Джобсом сначала в *Apple*, потом в *NeXT*.

Реджис Маккенна. Ас рекламы, существенно повлиял на Джобса на раннем этапе и так и остался для него гуру.

Майк Марккула. Первый крупный инвестор и председатель совета директоров *Apple*. Непререкаемый авторитет для Джобса.

Майк Мюррей. Один из первых директоров по маркетингу *Macintosh*.

Пол Отеллини. Глава компании *Intel*. Помогал перевести *Macintosh* на процессоры *Intel*, но так и не заключил контракт на *iPhone*.

Лорен Пауэлл. Выпускница Пенсильванского университета. Работала в банке *Goldman Sachs* и в Стэнфорде. В 1991 году вышла замуж за Стива Джобса. Мудрая и добрая женщина.

Артур Рок. Легендарный инвестор *Apple* и один из первых членов совета директоров. Непререкаемый авторитет для Джобса.

Джонатан «Руби» Рубинштейн. Коллега Джобса по *NeXT*. В 1997 году стал главным разработчиком аппаратуры *Apple*.

Мона Симпсон. Родная сестра Джобса. О своем родстве они узнали в 1986 году и с тех пор тесно общаются. Писательница. В романе «Где угодно, только не здесь» описываются ее отношения с матерью, в «Обычном парне» – Джобс и его дочь Лиза, а в «Потерянном отце» – ее отец, Абдулфатта Джандали.

Джон Скалли. Руководитель *Pepsi*. В 1983 году Джобс взял его на пост генерального директора *Apple*. Поссорился с Джобсом и в 1985 году стал инициатором его увольнения.

Майк Скотт. В 1977 году Марккула назначил его президентом *Apple* и руководителем Джобса.

Баррелл Смит. Программист первой команды *Mac*. Человек выдающегося ума и ангельской внешности. Беспокойная натура; из тех, кто по-настоящему горит на работе. В 1990-х годах заболел шизофренией.

Элви Рэй Смит. Один из основателей *Pixar*. Конфликтовал с Джобсом.

Авадис «Эви» Теванян. Работал с Джобсом и Рубинштейном в *NeXT*. В 1997 году стал главным разработчиком программного обеспечения *Apple*.

Рон Уэйн. Познакомился с Джобсом в *Atari*. Вместе с Джобсом и Возняком стоял у истоков *Apple*, но недальновидно отказался от своего пакета акций.

Тони Фаделл. Инженер, в 2001 году принятый в *Apple* для разработки *iPod*.

Скотт Форсталл. Вице-президент *Apple* по *iOS*.

Роберт Фридланд. Выпускник университета Рид, управляющий на яблонево́й ферме, последователь восточной философии. Оказал большое влияние на Джобса. В настоящее время – владелец горнодобывающей компании.

Энди Херцфельд. Разработчик программного обеспечения, товарищ Джобса по первой команде *Mac*. Дружелюбный и веселый человек.

Элизабет Холмс. Девушка Дэниела Коттке в университете Рид, одна из первых работников *Apple*.

Род Холт. Инженер-электрик, нанятый Джобсом в 1976 году для работы над *Apple II*. Заядлый курильщик. Марксист.

Джоанна Хоффман. Член первой команды *Mac*. Отваживалась спорить с Джобсом.

Кобун Чино Отогава. Мастер сото-дзен из Калифорнии, духовный наставник Джобса.

Джоан Шибле Джандали Симпсон. Биологическая мать Стива Джобса. Уроженка Висконсина. Отдала сына приемным родителям. Вырастила сестру Джобса, Мону Симпсон.

Майкл Эйснер. Глава корпорации *Disney*. Жесткий и требовательный человек. Заключил сделку с *Pixar*, после чего поссорился с Джобсом.

Эл Элкорн. Главный инженер компании *Atari*. Создал компьютерную игру *Pong* и взял Джобса на работу.

Ларри Эллисон. Глава компании *Oracle*, близкий друг Джобса.

Предисловие: как появилась эта книга

В начале лета 2004 года мне позвонил Стив Джобс. За годы нашего знакомства с ним периодически случались приступы дружелюбия, особенно когда он планировал выпустить новый продукт и хотел, чтобы я поместил фото на обложку журнала *Time* или рассказал о новинке по *CNN*, где я тогда трудился. Но поскольку я больше не работал ни там, ни там, Стив объявлялся нечасто. Мы поболтали про Институт Аспена, куда я недавно перешел работать, и я пригласил его выступить с речью в нашем летнем лагере в Колорадо. Стив ответил, что придет с радостью, но речей говорить не будет. Вместо этого предложил пройтись и побеседовать.

Мне это показалось странным. Я еще не знал, что все серьезные разговоры Стив предпочитает вести во время долгих прогулок. Как выяснилось, он хотел, чтобы я написал его биографию. У меня только что вышла книга о Бенджамине Франклине, и я работал над следующей – об Альберте Эйнштейне. Разумеется, я в шутку поинтересовался, считает ли он себя преемником этих двух гениев. Я полагал, что карьера Джобса в самом разгаре, что впереди немало взлетов и падений, и отказался. Ответил, что, мол, не сейчас. Может, лет через десять-двадцать, когда он отойдет от дел.

Мы познакомились в 1984 году, когда он пришел в небоскреб *Time & Life* на обед с редакторами, чтобы прорекламировать свой новый *Macintosh*. Стив был, по обыкновению, резок: он обвинил одного из наших журналистов в том, что тот раскрыл в своей статье факты, о которых Джобс предпочел бы умолчать. Но чем больше мы общались, тем больше мне нравились его напор и энергия, подчиняющая себе всё и вся. Мы поддерживали отношения и после того, как Стива выгнали из *Apple*. Собираясь явить миру очередной проект, будь то компьютер *NeXT* или фильм, снятый на студии *Pixar*, он снова обрушивал на меня все свое обаяние и приглашал в какой-нибудь суши-бар на Нижнем Манхэттене, чтобы сообщить: продвигаемая новинка – лучшее из того, что он когда-либо создал. И он мне нравился.

Когда Джобс вновь занял престол *Apple*, мы поместили его фото на обложку *Time*; вскоре он подал несколько идей, связанных с нашей серией статей о самых значимых людях столетия. Стив тогда уже запустил нашумевшую рекламную кампанию «Думай иначе» с портретами некоторых из тех, о ком писали и мы; ему было интересно проанализировать влияние знаменитостей на ход истории.

Хоть я и отказался написать его биографию, но мы периодически созванивались. Как-то я спросил его в письме, правда ли, что, как рассказала мне дочь, логотип *Apple* – знак уважения Алану Тьюрингу, английскому криптографу и пионеру информатики, который в годы Второй мировой войны взламывал немецкие шифры. Жизнь компьютерного гения закончилась трагически: в 1954 году он покончил с собой – съел яблоко, начиненное цианидом. Стив ответил, что был бы рад, если бы так и было, но это не пришло ему в голову. Так между нами завязалась переписка об истории создания *Apple*; я начал потихоньку собирать материал на случай, если когда-нибудь все-таки возьмусь за биографию Джобса. Когда вышла моя книга об Эйнштейне, Стив приехал на презентацию в Пало-Альто, уловив момент, отвел меня в сторонку и снова предложил написать о нем.

Его настойчивость меня озадачила. Всем известно, как ревностно Стив оберегает тайну личной жизни; к тому же я никогда бы не поверил, что он прочел хоть одну мою книгу. Может, когда-нибудь потом, ответил я. Но в 2009 году Лорен Пауэлл, жена Джобса, сказала мне напрямик: «Если ты собираешься написать книгу о Стиве, лучше поторопись». Он тогда как раз прошел второй курс лечения. Я поклялся: когда Джобс впервые заговорил о книге, я понятия не имел, что он болен. Лорен ответила, что об этом почти никто не знал. Стив позвонил мне как раз перед тем, как лечь на операцию, он по-прежнему скрывал от всех, что у него рак, объяснила она.

И тогда я решил написать его биографию. Джобс пообещал, что не станет меня контролировать, даже не попросит показать рукопись, чем немало меня удивил. «Это твоя книга, – заявил он. – Я ее даже читать не буду». Но осенью он, похоже, оставил идею про книгу. Я тогда не знал, что у него началось обострение болезни. Стив перестал отвечать на звонки, и я на время отложил проект.

Джобс неожиданно позвонил мне в канун нового, 2009 года. Он был дома в Пало-Альто с сестрой, писательницей Моной Симпсон. Жена с детьми уехали кататься на лыжах, а Стив по состоянию здоровья не смог их сопровождать. Стив был в философском настроении; мы проговорили больше часа. Он вспоминал, как в двенадцать лет решил построить цифровой частотомер, нашел в справочнике телефон Билла Хьюлетта, основателя *HP*, позвонил ему и попросил прислать нужные детали. Сказал, что последние двенадцать лет, начиная с возвращения в *Apple*, были самыми эффективными в его жизни: было создано много новых продуктов. Но гораздо важнее, признался Стив, для него повторить то, что когда-то удалось Хьюлетту и его другу Дэвиду Паккарду: они основали компанию, которая оказалась настолько инновационной и креативной, что пережила своих создателей.

«В детстве я считал себя гуманитарием, но мне всегда нравилась электроника, – вспоминал Стив. – Как-то я прочитал, что пишет один из моих кумиров, Эдвин Лэнд из *Polaroid*, о том, как важны люди, решающие задачи на пересечении гуманитарных и точных наук. И решил, что как раз этим я и хочу заниматься». Казалось, Стив подбрасывает мне идеи для книги (кстати, в этом случае подсказка оказалась полезной). Когда я работал над биографиями Франклина и Эйнштейна, меня больше всего интересовало творческое начало в людях, в которых любовь к гуманитарным дисциплинам сочетается со способностями к точным наукам. Более того, я уверен, что это ключ к созданию инновационной экономики XXI века.

Я спросил Джобса, почему он хочет, чтобы именно я написал его биографию. «У тебя неплохо получается вызывать людей на откровенность», – признался Стив. Я не ожидал такого ответа. Я понимал, что мне придется опросить многих из тех, кого он когда-то уволил, обидел, бросил или просто разозлил, и боялся, что Стиву не очень-то понравится, если я вызову их на откровенный разговор. И действительно, когда до Джобса дошли слухи о том, с кем именно я беседую, он занервничал. Но спустя пару месяцев сам стал уговаривать людей со мной поговорить, даже бывших возлюбленных и врагов. Не пытался он и ограничивать меня. «Я в жизни сделал много такого, за что мне стыдно. Когда мне было 23 года, я бросил девушку, которая была от меня беременна, – вспоминал Стив. – Но скелетов в шкафу, которые нельзя было бы извлечь на свет, у меня нет».

В конце концов я записал около сорока интервью с ним. Некоторые проходили довольно формально, в его гостиной в Пало-Альто; другие – во время долгих прогулок, поездок или телефонных разговоров. За те полтора года, что я собирал материал для книги, мы со Стивом очень сблизились, стали откровенны, хотя время от времени я сталкивался с тем, что его давние коллеги по *Apple* называли «полем искажения реальности». Иногда он что-то неумышленно забывал, как это бывает со всеми нами; порой выдавал мне, да и себе, альтернативную версию событий. Чтобы проверить и дополнить его истории, я опросил более сотни его друзей, родственников, конкурентов, врагов, коллег.

Его жена Лорен, помогавшая мне в работе над проектом, также не хотела меня никак ограничивать или контролировать, не просила показывать ей рукопись. Она хотела, чтобы я честно рассказал не только о его победах, но и о неудачах. Лорен – одна из самых мудрых и рассудительных людей, которых я только встречал в своей жизни. «Некоторые подробности его биографии и черты характера довольно неприглядны, это правда, – говорила она. – Не стоит их обелять. Ему случается исказить действительность, но история его жизни заслуживает того, чтобы о ней рассказали правдиво».

Удалось ли мне это – судить читателю. Уверен, что многие действующие лица этой книги могут иначе рассказать о тех или иных событиях или решат, что я попал в поле искажения реальности Джобса. С его биографией случилось то же, что с книгой о Генри Киссинджере (которая, кстати, в каком-то смысле стала неплохой подготовкой к этому проекту): я обнаружил, что люди настолько бурно относятся к Джобсу, будь то положительно или отрицательно, что зачастую это можно объяснить только «эффектом Расёмона», суть которого в том, что одно и то же событие воспринимается его участниками совершенно по-разному. Я, как мог, старался примирить противоположные точки зрения и не скрывал источников, к которым обращался.

Эта книга о жизни, полной падений и взлетов, о невероятно сильной личности и талантом бизнесмене, чье стремление к совершенству и необузданная энергия совершили революцию в шести сферах, касающихся персональных компьютеров, анимации, музыки, телефонов, планшетников и электронных книг. Можно добавить седьмую сферу – продажи. Здесь Джобс не то чтобы произвел переворот, но переосмыслил концепцию магазинов. А еще открыл путь новому рынку цифрового контента – через приложения, а не только с помощью веб-сайтов. Он не просто создавал инновационную продукцию, он создал (пусть и со второй попытки) надежную, жизнеспособную компанию, вдохнул в нее собственную творческую энергию, нанял на работу креативных дизайнеров и передовых разработчиков, способных претворить его замыслы в жизнь.

Надеюсь, что эта книга о новаторстве. Сейчас, когда Соединенные Штаты изо всех сил стараются сохранить позиции в области инноваций, когда страны всего мира пытаются выстроить новые экономики эпохи цифровых технологий, Джобс является олицетворением творчества, воображения, изобретательности. Он одним из первых понял: чтобы добиться успеха в XXI веке, нужно соединить креативность и технологии. И основал компанию, в которой игра воображения органично сочетается с новейшими достижениями техники. Он и его коллеги из *Apple* отваживались думать иначе и не просто усовершенствовали имеющиеся товары на основе анализа мнений фокус-групп, но создали продукты и услуги, о которых потребитель прежде не подозревал.

Джобса не назовешь идеальным руководителем или примером для подражания. Обуреваемый страстями, он мог и разозлить, и расстроить тех, кто был рядом. Но все его изобретения несут на себе отпечаток его характера, его достоинств и недостатков, они взаимосвязаны, как взаимосвязаны программное обеспечение и комплектующие *Apple*. Все это – часть единой системы. Его история и назидательна, и поучительна. Из нее можно узнать многое об инновациях и о чертах характера, о лидерских качествах и жизненных ценностях.

Хроника Шекспира «Генрих V», история инфантильного и своенравного принца Хала, который стал королем, одновременно несдержанным и чутким, черствым и сентиментальным, робким, но способным вести за собой, начинается с призыва: «О, если б муза вознеслась, пылая, на яркий небосвод воображенья!»¹ Вознесение Стива Джобса к яркому небосводу воображенья начинается с истории о двух парах родителей и о детстве в Силиконовой долине, которая тогда только училась превращать кремний в золото.

¹ У. Шекспир, «Генрих V». Акт I, пролог. Перевод Е. Бируковой.

Стив Джобс

Пол Джобс со Стивом, 1956 год

Дом в Саннивейле и гараж, где начиналась компания Apple

Из альбома выпускников школы Хоумстед, 1972 год

С плакатом, который был сделан для школьного вечера

Глава 1. Детство. Брошен и выбран

Усыновление

Пол Джобс, демобилизовавшись после Второй мировой войны из береговой охраны, заключил с сослуживцами пари. Личный состав их корабля был списан на берег в Сан-Франциско, и Пол заявил, что за две недели найдет себе здесь жену. Статный, весь в татуировках, механик-моторист Джобс удивительно походил на актера Джеймса Дина. Но Клару Агопян, добродушную и веселую дочь армянских эмигрантов, привлекла вовсе не его внешность. Просто у Пола с друзьями оказалась машина, каковой у компании, с которой Клара собиралась на прогулку в тот вечер, не было. Десять дней спустя, в марте 1946 года, молодые люди обручились, и Пол выиграл пари. Брак оказался удачным; супруги Джобс прожили вместе более 40 лет, пока смерть не разлучила их.

Детство Пола Рейнголда Джобса прошло на молочной ферме в Джермантауне, штат Висконсин. Отец его был алкоголиком, нередко давал волю рукам, но, несмотря на это, Пол вырос спокойным и добрым. Правда, школу он бросил, недоучившись, и отправился странствовать по Среднему Западу; подрабатывал механиком, а в 19 лет поступил в береговую охрану (хотя и не умел плавать). Службу Джобс проходил на транспортном судне «Генерал М. К. Мегс», которое во время Второй мировой войны доставляло войска в Италию, к генералу Паттону. Пол зарекомендовал себя неплохим механиком и кочегаром, был представлен к награде, должен был получить повышение, но проштрафился и выше матроса так и не поднялся.

Клара, его будущая жена, родилась в Нью-Джерси; именно здесь осели ее родители, бежавшие из Армении от турок. Позже они переехали в Сан-Франциско, поселились в районе Мишн-дистрикт. У Клары был секрет, о котором она предпочитала не распространяться: однажды она уже была замужем, но ее мужа убили на войне. Знакомство с Полом Джобсом дало ей возможность начать все заново.

Как многие из тех, кто пережил страшную войну, Пол и Клара мечтали только об одном – завести семью и жить спокойно. Денег у них было немного, так что они на несколько лет переехали в Висконсин к родителям Пола, а потом переехали в Индиану: Джобс устроился механиком в *International Harvester*, компанию по производству грузовиков и сельхозтехники. На досуге Пол обожал возиться со старыми автомобилями: покупал, доводил до ума и продавал, что приносило дополнительный доход. В конце концов он ушел с работы и стал торговать подержанными машинами.

Кларе нравился Сан-Франциско, и в 1952 году она уговорила мужа вернуться в любимый город. Супруги поселились в районе Сансет, к югу от парка «Золотые ворота», на побережье Тихого океана. Пол устроился на работу в финансовую компанию – изымал автомобили неплательщиков. В свободное время по-прежнему покупал, ремонтировал и продавал старые машины. В целом на жизнь хватало.

Не хватало Полу с Кларой только одного. Оба очень хотели детей, но после внематочной беременности (когда яйцеклетка вызревает не в матке, а в фаллопиевой трубе) Клара осталась бесплодной. И к 1955 году, на десятом году брака, супруги решили усыновить ребенка.

Джоан Шибле, как и Пол Джобс, происходила из семьи немецких эмигрантов, которые осели в Висконсине и стали фермерами. Ее отец, Артур Шибле, переехал в пригород Грин-Бей, где у них с женой была норковая ферма, а также небезуспешно занимался самой различной деятельностью – от торговли недвижимостью до цинкографии. Мистер Шибле придерживался строгих правил, особенно в том, что касалось дочери, и поэтому с большим неодобрением

отнесся к ее первой любви, некоему художнику, который вдобавок не был католиком. Поэтому неудивительно, что, когда Джоан, учившаяся в магистратуре университета Висконсина, влюбилась в Абдулфатту Джона Джандали, ассистента преподавателя, мусульманина родом из Сирии, суровый отец пригрозил лишить ее содержания.

Джандали был младшим из девяти детей в богатой сирийской семье. Его отцу принадлежали нефтеперерабатывающие заводы и множество других компаний, а также земли в Дамаске и Хомсе; одно время он даже контролировал стоимость пшеницы в регионе. Как и Шибле, Джандали серьезно относились к образованию: из поколения в поколение отпрыски семейства учились в Стамбуле и Сорбонне. Абдулфатта Джандали, хоть и был мусульманином, воспитывался в пансионе у иезуитов; степень бакалавра получил в Американском университете в Бейруте, после чего поступил в аспирантуру университета Висконсина по специальности «политология» и устроился там же ассистентом преподавателя.

Летом 1954 года Джоан отправилась с Абдулфаттой в Сирию. Два месяца они провели в Хомсе; мать и сестры Абдулфатты учили Джоан готовить блюда сирийской кухни. По возвращении в Висконсин девушка обнаружила, что беременна. Им с Джандали было по 23 года, но они решили пока не связывать себя узами брака. Отец Джоан был при смерти; он пригрозил лишить дочь наследства, если она выйдет за Абдулфатту. Сделать аборт так, чтобы никто из соседей-католиков об этом не узнал, было невозможно. Поэтому в начале 1955 года Джоан уехала в Сан-Франциско, где о ней позаботился некий добрый врач, который предоставлял матерям-одиночкам кров, принимал роды и помогал отдать детей на усыновление.

Джоан поставила одно условие: ее ребенок должен расти в семье людей с высшим образованием. По этому уговору врач нашел подходящую семейную пару, адвоката с супругой. Но после рождения малыша – мальчик появился на свет 24 февраля 1955 года – потенциальные приемные родители передумали: они хотели девочку. Вот так и вышло, что малютку усыновил не адвокат, а механик, не получивший даже среднего образования, и его добрая жена, трудившаяся простым бухгалтером. Пол и Клара Джобс назвали сына Стивеном Полом.

Возник вопрос: как быть с Джоан, которая настаивала, чтобы приемные родители ее ребенка непременно имели высшее образование? Когда женщина выяснила, что супруги Джобс не закончили даже среднюю школу, она отказалась подписывать документы на усыновление. Несколько недель дело не двигалось с мертвой точки, даже несмотря на то что Пол и Клара уже забрали Стива к себе. В конце концов Джоан уступила; Джобсы дали письменное обещание, что соберут денег и оплатят обучение сына в колледже.

Существовала и другая причина, по которой Джоан тянула с подписанием документов. Отец ее был совсем плох, и после его смерти она рассчитывала обвенчаться с Джандали. Она надеялась, – о чем впоследствии неоднократно говорила членам семьи, иногда даже со слезами на глазах, – что, как только они поженятся, она заберет сына обратно.

Но вышло так, что Артур Шибле скончался в августе 1955 года, спустя несколько недель после того, как были улажены все формальности с усыновлением. После Рождества Джоан и Абдулфатта Джандали обвенчались в церкви апостола Филиппа в Грин-Бей. На следующий год Абдулфатта защитил диссертацию по международной политике. У супругов родилась дочь Мона. В 1962 году Джоан и Абдулфатта расстались. После развода Джоан переезжала с места на место, нигде не задерживаясь надолго; впоследствии ее дочь, писательница Мона Симпсон, иронически описала эту бродяжническую жизнь в романе «Где угодно, только не здесь». А поскольку Стива усыновили официально и местонахождение его новой семьи держалось в тайне, прошло двадцать лет, прежде чем он наконец увиделся со своими матерью и сестрой.

О том, что его усыновили, Стив Джобс знал с детства. «Родители не скрывали от меня, что я приемный ребенок», – вспоминал он. Стив рассказывал, как однажды, когда ему было лет шесть или семь, он сидел на лужайке возле дома с подружкой из дома напротив.

– Значит, твоим настоящим родителям ты не нужен? – спросила девочка.

– Что тут было! – вспоминал Стив. – Меня как током ударило. Я вскочил и в слезах кинулся домой. А родители посмотрели на меня серьезно и сказали: «Нет, ты не понимаешь. Мы специально тебя выбрали». Они сказали это несколько раз. Причем так веско, что я понял: это правда».

Брошенный. Выбранный. Особенный. Эти три слова повлияли на личность и самооценку Джобса. Его лучшие друзья считают: то, что родная мать бросила Стива сразу после рождения, оставило в его душе след. «Мне кажется, вечное стремление Стива контролировать все, что он делает, обусловлено характером и тем, что родители отказались от него, – говорит Дэл Йокам, коллега Джобса, проработавший с ним бок о бок не один год. – Он хочет контролировать все, что его окружает. Продукт труда для него – продолжение собственной личности». Грег Кэлхун, с которым Джобс сдружился после университета, усматривает другое следствие: «Стив много говорил о том, что настоящие родители его бросили. Признавался, что это причинило ему боль. Но это научило его ни от кого не зависеть. Он всегда поступал по-своему. Выделялся из толпы. Потому что с рождения жил в ином, собственном мире».

Кстати, когда Джобсу исполнилось столько же, сколько было его биологическому отцу, когда родился он (то есть 23 года), он тоже отказался от своего ребенка. Правда, потом все-таки стал заботиться о дочери. Крисэнн Бреннан, мать девочки, говорила, что Стив всегда переживал, что его отдали на усыновление, и это отчасти объясняет его поведение. «Тот, кого в детстве бросили, скорее всего, и сам бросит ребенка», – говорит она. Энди Херцфельд, в начале 1980-х годов работавший в *Apple*, был одним из немногих, кто поддерживал тесные отношения и с Бреннан, и с Джобсом. «Чтобы понять Стива, нужно прежде всего понять, почему он иногда не может сдержаться и бывает жесток и злопамятен. Все дело в том, что мать отказалась от него сразу после его рождения. Именно здесь кроется корень всех проблем в жизни Стива».

Сам Джобс с этим не согласен. «Некоторые считают, что я так много работал и разбогател, потому что от меня отказались родители. Поэтому, мол, я лез из кожи вон, чтобы они поняли, какой я замечательный, и пожалели, что меня бросили. Это полная чушь, – настаивает Стив. – Я знал, что меня усыновили, и чувствовал себя более независимым, но никогда – брошенным. Я всегда верил, что я особенный. И мои родители поддерживали во мне эту веру». Кстати, Джобс терпеть не может, когда Клару и Пола называют его приемными родителями или намекают, что они ему не родные. «Они – мои настоящие родители на сто процентов», – говорит он. О своих же биологических родителях отзывался резко: «Для меня эти люди – доноры спермы и яйцеклетки. Я никого не хочу обидеть, я просто констатирую факт. Доноры спермы, не более того».

Силиконовая долина

Детство, которое Пол и Клара Джобс обеспечили своему сыну, во многом было типичным для второй половины 1950-х годов. Когда Стиву исполнилось два года, они удочерили девочку по имени Патти, а три года спустя перебрались в типовой дом в пригороде. *CIT*, финансовая компания, в которой работал Пол, перевела его в отделение в Пало-Альто, но жить там Джобс-старшему было не по карману, поэтому он перешел в подразделение, расположенное неподалеку – в Маунтин-Вью, где жизнь была дешевле.

Пол Джобс пытался привить сыну любовь к автомобилям и вообще к технике. «Вот, Стив, теперь это твое рабочее место», – с этими словами он выделил мальчику верстак в гараже. Впоследствии Джобс-младший вспоминал, что всегда с восторгом смотрел, как отец с чем-нибудь возится. «У отца была инженерная жилка, – рассказывал Стив. – Он мог смастерить все что угодно. Если нам был нужен шкаф, он делал шкаф. Помню, папа строил забор и дал мне молоток, чтобы я ему помогал».

Прошло полвека, а этот забор на заднем дворе дома в Маунтин-Вью так и стоит. Показывая мне его, Джобс гладил штакетины и вспоминал урок, который преподавал ему отец. Нужно тщательно отделять обратную сторону шкафа и забора, учил Пол. Неважно, что они не на виду. «Ему нравилось все делать хорошо. Даже то, что никто никогда не увидит».

Отец Джобса по-прежнему ремонтировал и продавал старые машины; стены в гараже были увешаны фотографиями его любимых автомобилей. Пол обращал внимание сына на дизайн машин – на их контуры, на отделку салона. Каждый день после работы он переодевался и шел в гараж, часто вместе со Стивом. «Я надеялся привить ему хоть какие-то навыки механика, но Стиву не очень-то хотелось пачкать руки, – вспоминал Пол. – Он никогда не любил копаться в моторе».

Действительно, Джобсу было неинтересно возиться под капотом. «Мне не нравилось ремонтировать машины, но я с радостью общался с папой». Он уже хорошо понимал, что его усыновили, но еще сильнее привязывался к отцу. Однажды Стив – ему тогда было лет восемь – нашел фотографию Пола времен службы в береговой охране. «На ней папа в машинном отделении, без рубашки. Очень похож на Джеймса Дина. Снимок меня потряс. „Ничего себе, – подумал я, – а ведь мои родители когда-то были молодыми и красивыми!“»

Через автомобили отец познакомил Стива с электроникой. «Папа не очень разбирался в ней, но частенько с ней сталкивался, когда чинил машины и прочую технику. Он объяснил мне самые азы, и меня это очень заинтересовало». Но еще интереснее оказались поездки за запчастями. «Каждые выходные мы отправлялись на свалку старых автомобилей – то за генератором, то за карбюратором, то еще за чем». Джобс вспоминал, как умело отец торговался. «У него это неплохо получалось, потому что он лучше продавца знал, сколько должна стоить та или иная деталь». Это помогло сдержать клятву, которую дали родители Стива. «Папа покупал за 50 долларов «форд фолкэн» или еще какую-нибудь развалюху не на ходу, несколько недель доводил ее до ума, а потом продавал уже за 250 долларов – разумеется, без всяких налогов. Так он заработал мне на учебу в колледже».

Дом Джобсов – номер 286 по Диабло – и другие здания по соседству были построены Джозефом Эйхлером. Всего же его строительная компания с 1950 по 1974 год возвела свыше 11 тысяч домов в различных уголках Калифорнии. Вдохновленный созданным Фрэнком Ллойдом Райтом образом простого современного дома для «рядового американца», Эйхлер строил недорогие дома с панорамными окнами от пола до потолка, открытой планировкой, бетонными полами и множеством раздвижных стеклянных дверей. «Эйхлер молодец, – заметил Джобс в одну из наших прогулок по окрестностям. – Он строил хорошие, удобные и дешевые дома. Простые, но со вкусом, они были доступны даже для семей с небольшим доходом. В его домах все было продумано до мелочей – например, полы с лучистым отоплением. Стелешь на них ковер – и вот тебе приятный теплый пол. В детстве мы любили играть на таком».

Джобс признавался, что восхищение домами Эйхлера укрепило в нем стремление делать стильные товары для массового потребителя. «Мне нравится, когда вещь красивая, при этом очень функциональная и недорогая, – говорил он, вспоминая элегантные и простые здания Эйхлера. – Так была изначально задумана продукция *Apple*. Этого мы пытались добиться с первым *Mac*. И этого достигли с *iPod*».

Напротив Джобсов жил успешный риелтор. «Он звезд с неба не хватал, – вспоминал Стив, – но при этом зарабатывал кучу денег. И мой отец подумал: «А я чем хуже?» Папа старался изо всех сил. Ходил на вечерние курсы, сдал экзамен, получил лицензию и занялся недвижимостью. А потом рынок рухнул». На следующий год семейству пришлось туго. Стив тогда ходил в начальную школу. Мама устроилась бухгалтером в *Varian Associates*, компанию по изготовлению приборов для научных лабораторий. Родителям пришлось перезаложить дом. Однажды, когда Стив учился в четвертом классе, учитель спросил его: «Что тебе непонятно про Вселенную?» «Я не понимаю, почему мой папа ни с того ни с сего остался на бобах», –

ответил Джобс. При этом он очень гордился, что его отец так и не усвоил услужливую манеру, которая помогла бы ему стать лучшим продавцом. «Чтобы торговать недвижимостью, нужно льстить и подхалимничать; у отца это никогда не получалось, потому что было противно его натуре. И мне это всегда в нем нравилось». Пол Джобс снова стал механиком.

Отец Стива был спокойным и добрым – черты характера, которые его сын высоко ценил, но едва ли перенял. Однако и решительности Полу было не занимать.

По соседству с нами жил инженер, занимавшийся фотогальваническими элементами в компании *Westinghouse*. Смахивал на битника. Холостой. У него была девушка. Иногда родители просили ее присмотреть за мной в их отсутствие. Родители работали, и я после школы на пару часов шел к соседям. Инженер, случалось, напивался и поколачивал свою подружку. Как-то раз она прибежала к нам среди ночи, перепуганная до смерти. За ней явился ее приятель, пьяный в стельку. Отец вышел и жестко объяснил ему: да, твоя девушка у нас, но тебя я не пущу. В общем, прогнал его, и все. Пятидесятые любят представлять в идиллическом свете. Но наш сосед-инженер был из тех бедолаг, которые окончательно запутались в жизни.

Местечко, в котором жили Джобсы, отличалось от тысяч таких же американских городков тем, что здесь даже самые непутевые оказывались инженерами. «Когда мы сюда переехали, повсюду были сады с абрикосами и сливами, – вспоминал Стив. – Но расцвета город достиг благодаря военным инвестициям». Джобс с восторгом узнавал историю здешних краев и мечтал, что когда-нибудь тоже сыграет в ней роль. Впоследствии Эдвин Лэнд из *Polaroid* рассказывал ему, как Эйзенхауэр попросил его помочь создать камеру для самолетов-разведчиков: нужно было понять, насколько реальна советская военная угроза. Пленку клали в контейнеры и отправляли в *NASA*, в научно-исследовательский центр Эймса в Саннивейле, неподалеку от города, где жил Джобс. «Впервые в жизни я увидел компьютерный терминал, когда папа взял меня с собой в центр Эймса, – рассказывал Джобс. – Тогда я влюбился в компьютеры».

В 1950-е шло бурное развитие компаний, работавших на оборонную промышленность. В 1956 году неподалеку от центра *NASA* открылось подразделение компании *Lockheed*, занимавшееся баллистическими ракетами для подводных лодок; четыре года спустя, когда туда перебрались Джобсы, там работало 20 тысяч человек. По соседству располагались корпуса *Westinghouse*, где производили лампы и трансформаторы для ракетных комплексов. «Все эти военные предприятия были оснащены по последнему слову техники и изготавливали таинственную новейшую продукцию, – говорил Джобс. – Поэтому жить там было очень интересно».

Благодаря заказам оборонного комплекса в регионе оказались востребованными компании, так или иначе связанные с новыми технологиями. Этот процесс начался еще в 1938 году, когда в Пало-Альто перебрались Дэйв Паккард с женой. При их доме имелся сарай, где вскоре поселился друг Паккарда Билл Хьюлетт. Был там и гараж – как оказалось, не только полезное, но и знаковое место для населения Долины, – в котором приятели в конце концов собрали свое первое изделие – низкочастотный генератор. В пятидесятые компания *Hewlett-Packard* занималась производством различных приборов и быстро росла.

К счастью, нашлось в Долине место и для предпринимателей, чей масштаб деятельности уже перерос мастерские в гаражах. Декан инженерного факультета Стэнфорда Фредерик Терман первым включился в процесс, благодаря которому регион стал колыбелью технологической революции: он отдал около 300 гектаров университетской территории частным компаниям, которые могли бы запускать изобретения студентов в серийное производство. Первым арендатором стала *Varian Associates*, где работала Клара Джобс. «Терману пришла в голову гениальная идея, благодаря которой в конечном счете в регионе стали развиваться высокие технологии», – говорил Джобс. К тому времени, когда Стиву исполнилось десять лет, *HP*, чей

штат насчитывал уже 9 тысяч человек, превратилась в ведущую компанию в своей области, работать в которой стремился любой инженер, мечтавший о финансовой стабильности.

Но прежде всего на развитие региона повлияло, конечно же, производство полупроводников. Уильям Шокли, один из изобретателей транзистора, работавший в корпорации *Bell Labs* в Нью-Джерси, переехал в Маунтин-Вью и в 1956 году основал собственную компанию, выпускавшую транзисторы на кремнии вместо германия, который стоил дороже. Но в конце концов Шокли, как ни странно, передумал и прекратил выпуск кремниевых транзисторов; из-за этого восемь его инженеров, в частности Роберт Нойс и Гордон Мур, уволились и создали собственную компанию – *Fairchild Semiconductor*. Со временем ее штат увеличился до 12 тысяч человек, но в 1968 году, когда Нойс потерпел поражение в борьбе за пост президента, компания разделилась на две отдельные фирмы. Нойс забрал Гордона Мура и основал корпорацию *Integrated Electronics*, сокращенно *Intel*. Третьим компаньоном стал Эндрю Гроув; в 1980-е годы благодаря ему компания вышла на новый виток развития, переключившись с изготовления интегральных схем памяти на микропроцессоры. Через несколько лет в Долине было свыше пятидесяти компаний, занимающихся производством полупроводников.

Бурный рост этой отрасли промышленности тесно связан с законом, который открыл Мур в 1965 году. Он начертил диаграмму скорости интегральных схем, основанную на количестве транзисторов, которые можно поместить в микросхему: каждые два года их количество удваивалось – траектория, которая, предположительно, должна продолжаться. В 1971 году этот закон получил подтверждение, когда корпорации *Intel* удалось целиком уместить центральный процессор на одну микросхему – *Intel 4004*, которую называли микропроцессором. Закон Мура актуален и по сей день, а влияние функциональных характеристик на стоимость позволило двум поколениям молодых бизнесменов, среди которых были и Стив Джобс с Биллом Гейтсом, планировать затраты на свою передовую продукцию.

Благодаря производству микросхем у региона появилось новое название: в январе 1971 года Дон Хефлер, журналист еженедельника *Electronic News*, озаглавил серию статей «Силиконовая долина США». Главной коммерческой артерией долины Санта-Клара, протянувшейся на сорок миль от Саут-Сан-Франциско и Пало-Альто до Сан-Хосе, стала Эль-Камино-Реал, историческая дорога, некогда соединявшая 21 калифорнийскую миссию, а ныне оживленная магистраль, связывающая процветающие компании и стартапы, на долю которых в американских венчурных инвестициях приходится около тридцати процентов. «Меня вдохновляла история края, где я рос, – рассказывал Джобс. – И мне всегда хотелось стать ее частью».

Как многие дети, Стив перенимал увлечения окружавших его взрослых. «Большинство отцов семейств, обитавших по соседству, изготавливали всякие хитроумные приборы: устройства для преобразования солнечной энергии, аккумуляторы, радары. Меня все это очень занимало, и я постоянно приставал к взрослым с расспросами, как что устроено». Самый знаменитый из соседей, Ларри Лэнг, жил через семь домов от Джобсов. «В моем представлении это был идеал работника *HP*: радист-любитель, отличный инженер-электронщик, – вспоминал Стив. – Он приносил мне детали, с которыми я играл».

Когда мы проходили мимо бывшего дома Лэнгов, Джобс рассказал:

– Как-то он взял угольный микрофон, батарейку и динамик и поставил во дворе. Потом попросил меня что-нибудь сказать в микрофон; из динамика донесся звук.

От отца Стив знал, что микрофон без электронного усилителя работать не будет.

– Я пулей полетел домой и сообщил папе, что он ошибается.

– Нет, нужен усилитель, – отмахнулся отец, но Стив стоял на своем, и Пол обозвал его чокнутым. – Не будет он работать без усилителя. Тебя надули.

– Я не отставал, просил, чтобы отец сам сходил и посмотрел. Наконец папа согласился. А когда увидел своими глазами, сказал: «Ничего себе!»

Джобс так хорошо запомнил этот случай, потому что тогда впервые осознал: папа знает не все. Вскоре мальчик понял еще кое-что: он умнее своих родителей. Стив всегда восхищался способностями и смекалкой отца. «Его нельзя назвать высокообразованным человеком, но я всегда считал, что папа очень умен. Он мало читал, но многое мог сделать своими руками. Не было такого механизма, в котором отец не сумел бы разобраться». Но после случая с микрофоном Стив догадался, что он на самом деле гораздо сообразительнее, чем родители. «Меня тогда словно осенило. Эта история врезалась мне в память. Я понял, что умнее родителей, и мне стало стыдно, что я мог подумать такое. Никогда этого не забуду». Впоследствии Джобс рассказывал друзьям, что именно это, а еще то, что его усыновили, усугубило ощущение, что он всегда будет сам по себе, что он стоит особняком как от семьи, так и от мира в целом.

Вскоре выяснилось еще кое-что. Не только Стив осознал, что он толковее своих родителей; он обнаружил, что Пол и Клара тоже это поняли. Джобсы души не чаяли в сыне и готовы были менять жизнь, чтобы лучше соответствовать потребностям талантливого, но своенравного ребенка. Они были готовы на все, лишь бы ему было хорошо. Супруги верили, что их сын – особенный. Об этом Стив тоже догадался. «Папа с мамой очень меня любили. И когда поняли, что я особенный, почувствовали свою ответственность. Старались купить мне все необходимое, устроить в лучшую школу. В общем, помочь мне раскрыть потенциал».

Итак, мальчик вырос с осознанием не только того, что его бросили, но и собственной исключительности. И, по его словам, это оказало куда большее влияние на формирование его характера.

Школа

Еще до того, как Стив пошел в школу, мама научила его читать. Но и тут все складывалось не так гладко. «Первые несколько лет мне было настолько скучно в школе, что я постоянно попадал во всякие истории». Вскоре выяснилось, что Джобс, как по воспитанию, так и по складу характера, не склонен подчиняться кому бы то ни было. «В школе я столкнулся с тем, чего никогда раньше не встречал: с необходимостью подчиняться. На меня давили авторитетом. И едва не отбили охоту к учебе».

Начальная школа Мона-Лома, в которой учился Стив, представляла собой ряд приземистых зданий в четырех кварталах от дома Джобсов. Мальчик боролся со скукой, разыгрывая учителей и одноклассников. «У меня был друг по имени Рик Феррентино, и вместе мы постоянно откалывали какие-то штуки, – вспоминал Джобс. – Например, расклеивали объявления «Завтра все должны принести в школу домашнее животное». Получался полный кавардак: собаки гоняли кошек, а учителя кипели от злости». В другой раз Рик со Стивом вывели у одноклассников коды от их велосипедных замков. «Потом вышли на улицу и поменяли все замки местами, так что никто не мог забрать свой велик. Ребята до вечера разбирались, где чей». К третьему классу розыгрыши стали опаснее. «Как-то мы подложили под стул учительницы, миссис Турман, бомбочку. Бедняга чуть заикой не осталась».

Неудивительно, что за первые три года учебы Стива несколько раз исключали из школы. Но веру отца в выдающиеся способности сына не могло поколебать ничто, и Джобс-старший спокойно и хладнокровно объяснил учителям, что ждет от них того же. «Мальчик не виноват, – втолковывал Пол. – Это вы виноваты, что не умеете его заинтересовать». Стив утверждал, что не припомнит, чтобы его наказывали за школьные проделки. «Отец моего отца был алкоголиком и порол сына ремнем. А меня даже ни разу не отшлепали». Оба родителя, добавлял Джобс, «считали, что неправы учителя, которые заставляют меня запоминать всякую ерунду, вместо того чтобы поощрять любознательность». Противоречия, из которых складывалась его натура, уже тогда давали о себе знать: восприимчивость и безразличие, вспыльчивость и отстраненность.

К четвертому году учебы учителя решили развести Джобса и Феррентино по разным классам. В продвинутом классе преподавала Имоджен Хилл по прозвищу Тедди, женщина весьма горячего нрава. Джобс утверждал, что она стала одним из его добрых гениев. Понаблюдав за Стивом пару недель, учительница решила, что лучший способ договориться с ним – это взятка. «Однажды после школы она протянула мне сборник задач по математике и велела дома решить все до единой. Я подумал, что она рехнулась. Тогда миссис Хилл достала огромный леденец и пообещала, что, когда я все сделаю, получу его и еще пять долларов в придачу. Спустя два дня я отдал ей тетрадь с выполненными заданиями». А через несколько месяцев нужда во взятках отпала сама собой. «Мне захотелось учиться и радовать учительницу успехами».

За прилежание миссис Хилл поощряла способного ребенка наборами «сделай сам», с помощью которых можно было, к примеру, ошлифовать линзу и сделать фотоаппарат. «От нее я узнал больше, чем от любого другого учителя. Если бы не она, я бы точно в конце концов оказался за решеткой». Внимание учительницы укрепило Стива в уверенности, что он особенный. «В нашем классе она выделяла только меня. Видимо, что-то во мне разглядела».

И явно не только ум. Спустя годы миссис Хилл вспоминала, показывая всем фотографию с Дня Гавайев, как Стив, который пришел в школу без нужного костюма, тем не менее уговорил кого-то из детей поменяться и на фотографии стоит в первом ряду в центре в гавайской рубашке. Он буквально мог уговорить отдать последнюю рубашку.

К концу четвертого класса миссис Хилл устроила Джобсу экзамен. «Я его сдал с результатом десятиклассника», – вспоминал Стив. Теперь не только мальчику и его родителям, но и учителям стало ясно, насколько он одарен. И директор школы принял необычное решение: предложил Стиву перешагнуть через два класса и пойти после четвертого сразу в седьмой. Так было бы проще всего поддерживать в нем интерес к учебе. Но родители рассудили, что разумнее будет перескочить только через один класс.

Решение оказалось неудачным. Джобс и со сверстниками-то общался с трудом, а теперь оказался в компании ребят на год старше. Но еще хуже, что шестой класс – это уже средняя школа, и он перешел в Криттенден. От Мона-Лома ее отделяли какие-нибудь восемь кварталов, но в определенном смысле это был другой мир, район, где было полно этнических банд. «Дрались тут каждый день. Равно как и вытряхивали у тех, кто послабее, мелочь в туалете, – писал журналист из Силиконовой долины Майкл С. Мэлоун. – Принес в школу нож – значит, ты настоящий мачо». Примерно в то время, как сюда поступил Джобс, несколько школьников попали в тюрьму за групповое изнасилование, а другие ученики сожгли автобус соседней школы, команда которой обыграла Криттенден на соревнованиях по борьбе.

Хулиганы не давали Стиву проходу, и в седьмом классе он поставил перед родителями ультиматум. «Я настаивал, чтобы меня перевели в другую школу», – рассказывает он. Но это им было не по карману. Пол и Клара едва сводили концы с концами. Однако к этому моменту мальчик уже усвоил, что рано или поздно они уступят. «Родители уперлись, но я пригрозил, что если мне придется ходить в Криттенден, я просто брошу учебу. Тогда они стали искать лучшие варианты, откладывали каждый цент, но купили за 21 тысячу долларов дом в районе попроще».

Семейство перебралось на несколько километров южнее, в бывший абрикосовый сад в южном Лос-Альтосе, превратившийся в район типовых домов, похожих друг на друга как две капли воды. Жилище Джобсов, номер 2066 по Крист-драйв, представляло собой одноэтажный дом с тремя спальнями и, что самое главное, выходящим на улицу гаражом с ролетными воротами, где Пол Джобс мог возиться с автомобилями, а его сын – с радиоаппаратурой. Удобно было и то, что новый дом находился в школьном округе Купертино-Саннивейл, одном из самых спокойных и лучших в Долине. «Когда мы сюда перебрались, на том углу еще росли сады, – показывал мне Джобс во время прогулки неподалеку от его старого дома. – Сосед, который жил

вон там, учил меня, как готовить компост. Он выращивал совершенно потрясающие овощи и фрукты. Ничего вкуснее я в жизни не ел. Именно тогда я полюбил органические продукты».

Пол и Клара не были истово верующими людьми, но хотели дать сыну религиозное воспитание и поэтому по воскресеньям брали его с собой в лютеранскую церковь. Но когда Стиву исполнилось тринадцать, он туда ходить перестал. Джобсы выписывали журнал *Life*; на обложке июльского номера за 1968 год была фотография голодающих детей из Биафры. Стив принес журнал в воскресную школу и спросил пастора:

– Если я подниму палец, узнает ли Господь, какой именно из пальцев я хочу поднять, еще до того, как я сделаю это?

Пастор ответил:

– Ну разумеется, Господу все известно.

Тогда Джобс показал снимок из *Life*:

– Знает ли Господь о том, что эти дети голодают?

– Стив, я понимаю, что тебе трудно в это поверить, но Господь знает и об этом.

Тогда Джобс заявил, что не хочет верить в такого бога, и никогда больше не бывал в церкви. Правда, многие годы изучал и практиковал дзен-буддизм. Впоследствии, размышляя о своих духовных исканиях, Джобс говорил, что, по его мнению, лучше всего, если религия занята поисками истины, а не насаждением догматов. «Когда христианство сосредоточивается на принципах веры, вместо того чтобы стараться жить, как Иисус, видеть мир, как видел его Иисус, оно моментально теряет свою сущность», – сказал мне Стив. – Мне кажется, все религии – это лишь разные двери в один и тот же дом. Иногда я верю, что этот дом существует, иногда нет. Это великая загадка».

Отец Джобса в то время работал в соседнем городке Санта-Клара механиком в *Spectra-Physics*, компании, занимавшейся производством лазеров для электронного и медицинского оборудования. Он изготавливал модели изделий, которые придумывали инженеры. Сына восхищало его стремление к совершенству. «Лазеры требуют особой точности, – рассказывал Джобс. – Самые сложные – для нужд авиации или медицины. Папе, например, говорили: «Вот что нам надо, причем из одного листа металла, чтобы коэффициенты расширения везде были одинаковыми». И он ломал голову, как это сделать». Большинство деталей приходилось придумывать с нуля, а это значило, что Полу нужно было также изготовить необходимые инструменты и штампы. Стиву это очень нравилось, но в мастерскую он заглядывал нечасто. «Было бы здорово, если бы папа научил меня работать на фрезерном и токарном станках. Но, к сожалению, я не ходил к нему на работу, потому что меня больше интересовала электроника».

Однажды летом Пол и Стив побывали в Висконсине на семейной молочной ферме. Деревенская жизнь не привлекала мальчика, но одно ему врезалось в память навсегда: как-то он увидел рождение телят, и его удивило, что кроха через несколько минут поднялся на ноги и пошел. «Он этому не учился: это словно было запрограммировано в нем, – вспоминал Джобс. – Ребенок так не может. Никто моего восторга не разделил, но мне это показалось невероятным». Стив описывал свои ощущения так: «Будто некий орган в теле животного и какая-то область в его мозгу были спроектированы для совместной работы, поэтому теленку не пришлось учиться ходить».

В девятом классе Джобс перешел в старшую школу Хоумстед, на обширной территории которой стояли двухэтажные блочные корпуса, в те годы выкрашенные в розовый цвет; здесь занималось более двух тысяч учеников. «Строил ее архитектор, прославившийся проектами тюрем, – вспоминал Джобс. – Школа задумывалась как несокрушимая». Стив полюбил гулять пешком и каждый день проходил пятнадцать кварталов до школы.

У него было несколько товарищей-сверстников; познакомился он и со старшими ребятами, увлекавшимися контркультурой конца шестидесятых. Это было время, когда миры гиков и хиппи в определенных аспектах начали пересекаться. «Мои друзья были умны, – гово-

рил Джобс. – Я интересовался математикой, точными науками, электроникой. Они тоже. Но, помимо этого, экспериментировали с ЛСД и прочими контркультурными штучками».

К этому времени ни один розыгрыш Стива не обходился без электроники. Как-то мальчик установил по всему дому колонки. А поскольку их можно было также использовать как микрофоны, у себя в шкафу он оборудовал рубку, в которой прослушивал, что делается в других комнатах. Однажды вечером, когда Стив в наушниках сидел и слушал, что происходит в родительской спальне, отец поймал его за этим занятием, пришел в ярость и потребовал все разобрать. Немало вечеров Стив провел в гараже Ларри Лэнга, инженера, жившего по соседству со старым домом Джобсов. Лэнг подарил ему угольный микрофон, который привел парнишку в восторг, и приобщил к конструкторам «сделай сам», с помощью которых можно было собрать и спаять любительский радиоприемник и прочие приборы. «Детали в наборах были маркированы по цвету, но в инструкции объяснялось, как это работает, – вспоминал Джобс. – И ты чувствовал, что можешь разобраться в любом устройстве, сделать что угодно. Смастерив пару радиоприемников, ты смотрел в каталог и думал, что тебе по плечу собрать и телевизор. Мне очень повезло, что в детстве я благодаря папе и таким вот конструкторам поверил в свои силы, в то, что я могу все сделать своими руками».

Лэнг также привел Стива в научно-исследовательский клуб *Hewlett-Packard (Hewlett-Packard Explorers Club)*. В кружке занималось человек пятнадцать; они собирались во вторник вечером в кафетерии компании. «На занятие приглашали инженера из какой-нибудь лаборатории, он приходил и рассказывал, над чем сейчас работает, – вспоминал Джобс. – Папа меня туда возил. Я был на седьмом небе от счастья. *HP* первой стала выпускать светодиоды. И мы обсуждали возможности их применения». Эта тема особенно занимала мальчика, поскольку отец работал в компании, производившей лазеры. Как-то вечером после занятия Стив подошел к инженеру, занимавшемуся лазерами, и попросил показать голографическую лабораторию. Но самое большое впечатление на Джобса произвели мини-компьютеры, которые компания разрабатывала. «Тогда я впервые в жизни увидел ПК. Он назывался 9100А и был, по сути, всего лишь навороченным калькулятором, но все-таки это был первый настольный ПК. Он был огромный, весил килограмм двадцать, но мне показался верхом совершенства. Я просто влюбился в него».

Участникам кружка предлагали работать над собственными научными проектами, и Джобс решил собрать цифровой частотомер, определяющий количество импульсов электронного сигнала в секунду. Для этого ему нужны были детали, которые производили в *HP*; он снял трубку и позвонил прямо президенту компании. «Тогда люди не держали в секрете номера своих телефонов. Я открыл справочник, нашел Билла Хьюлетта из Пало-Альто и позвонил ему домой. Он ответил, проговорил со мной целых двадцать минут, прислал необходимые детали и предложил работу на заводе, где изготавливали цифровые частотомеры». Джобс устроился туда летом после первого школьного года в школе Хоумстед. «Папа утром привозил меня, а вечером забирал».

На заводе Стиву приходилось в основном «прикручивать гайки и болты» на конвейере. Коллеги относились к юному проныре, который устроился на работу по звонку боссу, с завистью и обидой. «Помню, как признался одному из контролеров: „До чего же я все это люблю!“ – и спросил, что нравится ему. Он ответил: „Трахаться“». Джобсу проще было найти общий язык с инженерами, работавшими этажом выше. «Каждое утро в 10 часов они пили кофе с пончиками. Я поднимался к ним пообщаться».

Работа Джобсу нравилась. Еще он разносил газеты – если шел дождь, отец отвозил Стива на машине, – а на второй год обучения в Хоумстеде по выходным и летом работал складским служащим в огромном магазине электроники *Haltek*. Этот рай для любителя электроники занимал целый квартал и напоминал барахолки, на которых Джобс-старший покупал запчасти для старых автомобилей. Чего здесь только не было! Новые, лишние, подержанные, сданные

в утиль детали громоздились на полках лабиринтов стеллажей, лежали россыпью в корзинах, валялись на дворе. «За магазином, неподалеку от залива, располагалась огороженная территория, где можно было найти, к примеру, детали подводной лодки «Поларис», которую разобрали и сдали в утиль, – вспоминал Джобс. – Там были блоки управления, всевозможные кнопки. Окрашены они были в обычные военные цвета, зеленый и серый, но попадались красные и желтые плафоны и выключатели – такие большие старые рубильники: щелкаешь – и кажется, будто взорвал Чикаго».

У деревянных прилавков, заваленных толстыми каталогами в потрепанных обложках, покупатели торговались за выключатели, резисторы, конденсаторы, а иногда и за новейшие чипы памяти. Джобс-старший всегда старался сбить цену на автомобильные запчасти, и обычно ему везло, потому что он лучше продавцов знал, сколько должна стоить та или иная деталь. Стив брал с него пример. Он тщательно изучил все электронные детали, а уж любви поторговаться и выгадать свое парнишке было не занимать. Он ездил на блошинные рынки электроники, например в Сан-Хосе, выторговывал подержанную монтажную плату, в которую входили какие-нибудь ценные детали или микросхемы, и продавал своему директору в *Haltek*.

Когда Джобсу исполнилось пятнадцать лет, у него (не без помощи отца) появилась первая машина – двухцветный *Nash Metropolitan*, на который Пол установил двигатель *MG*. Стиву машина не очень нравилась, но отцу он в этом признаваться не хотел, равно как и не собирался упускать шанс обзавестись собственным автомобилем. «Теперь, много лет спустя, *Nash Metropolitan* кажется невероятно крутой тачкой, – говорил впоследствии Стив. – А в то время она казалась мне полным отстоем. Но это все-таки была машина, что само по себе было здорово». Через год Джобс-младший скопил достаточно денег, чтобы обменять *Nash* на красный «фиат 850 купе» с двигателем итальянской фирмы *Abarth*. «Отец помог мне купить и проверить машину. Помню, я был счастлив, что мне удалось самому на нее заработать».

В то же лето, между вторым и третьим годом обучения в Хоумстеде, Джобс попробовал марихуану. «Я тогда впервые поймал кайф. Мне было пятнадцать. С тех пор я стал курить траву постоянно». Однажды отец обнаружил у Стива в машине косяк. «Это еще что такое?» – спросил он. «Марихуана», – невозмутимо ответил Джобс. Обычно спокойный, Пол вышел из себя. «Это была наша единственная настоящая ссора», – рассказывал Стив. Но в конце концов отец смирился. «Он хотел, чтобы я пообещал никогда больше не курить траву, но я отказался». К четвертому году обучения Стив попробовал ЛСД и гашиш и экспериментировал с депривацией сна. «Я стал чаще ловить кайф. Время от времени мы закидывались кислотой, обычно где-то в поле или в машине».

Последние два года в Хоумстеде Стив делал успехи в учебе и вскоре понял, что его влечет как к электронике и компьютерам, так и к литературе и творчеству. «Я полюбил слушать музыку и прочел много книг, не относившихся к науке и технике, например Шекспира, Платона. Мне очень понравился „Король Лир“». Еще Стив обожал «Моби Дика» и стихи Дилана Томаса. Я поинтересовался, чем ему близки король Лир и капитан Ахав, одни из самых своих нравных и одержимых литературных персонажей, но он проигнорировал намек, и я не стал настаивать. «На четвертом году я стал ходить в класс углубленного изучения английского. Это было что-то невероятное. Преподаватель смахивал на Хемингуэя. Мы с ним катались на лыжах в Йосемити».

Один из курсов, которые посещал Джобс, стал в Силиконовой долине легендой. Это были занятия по электронике, которые вел Джон Макколлум, бывший летчик военно-морской авиации. В его манере преподавания было что-то от шоумена: ему нравилось возбуждать любопытство учеников, например, показывая им трансформатор Теслы. Его тесная кладовка, ключ от которой он давал только любимчикам, была битком набита транзисторами и прочими деталями, которые он регулярно пересчитывал. Он мог объяснить любое правило и показать его

применение на практике, например, как соединять резисторы и конденсаторы в последовательную и параллельную цепь и как потом собрать усилитель или радиоприемник.

Кабинет Макколлума находился в покоем на сарай здании на краю кампуса, возле автостоянки. «Вон там мы занимались, – показывал Джобс. – А в соседнем классе учились автомеханики». Такое соседство наглядно демонстрирует смену интересов молодого поколения. «Мистер Макколлум считал, что электроника – это новая механика».

Старый летчик верил, что в школе должна быть военная дисциплина, а ученики обязаны уважать учителей. А Джобс так не думал. Он больше не пытался скрывать свое отвращение к любого рода принуждению, держался открыто, но несколько отстраненно и даже вызывающе и не признавал ничьих авторитетов. «На уроках он обычно занимался чем-то своим в уголке и не стремился общаться ни со мной, ни с одноклассниками», – вспоминал Макколлум. Джобсу он никогда не доверял ключ от кладовки. Как-то раз Стиву понадобилась деталь, которой в классе не нашлось; он позвонил в корпорацию *Burroughs*, расположенную в Детройте (причем звонок был за их счет), заявил, что разрабатывает новый продукт и хочет протестировать запчасть. Через несколько дней его заказ доставили авиапочтой. Макколлум поинтересовался, где Джобс раздобыл деталь, и тот признался – не без гордости, – как все было. «Я пришел в ярость, – рассказывал Макколлум. – Мои ученики не должны так себя вести!» А Джобс ответил: «Мне звонить им за свой счет слишком дорого. А у них денег куры не клюют».

Стив проучился у Макколлума всего год, хотя курс был рассчитан на три. Для одного из проектов он изготовил прибор на фотоэлементах, который, будучи освещен, включал цепь. Но с таким заданием справился бы любой старшеклассник, увлекающийся электроникой. Джобсу куда интереснее было экспериментировать с лазерами, о которых он узнал от отца. Стив с друзьями устраивали на вечеринках музыкальные световые шоу: лазерные лучи отражались от зеркал на колонках стереосистемы.

Глава 2. Странная парочка. Два Стива

Воз

Занимаясь у Макколлума, Джобс познакомился и подружился с выпускником, чьи поразительные способности стали в школе легендой. Мало того, он был вечным любимчиком учителя. Стивен Возняк, младший брат которого входил в одну с Джобсом команду по плаванию, был на пять лет старше и намного лучше понимал в электронике, но в душе оставался подростком, помешанным на компьютерах.

Как и Джобс, Возняк многому научился у отца. Но учились они разному. Пол Джобс не получил даже среднего образования, правда, разбирался в автомобилях и знал, как с выгодой купить нужные запчасти. Фрэнсис Возняк, которого все звали Джерри, с блеском окончил инженерный факультет Калифорнийского технологического института; во время учебы был защитником в футбольной команде, преклонялся перед инженерами, а на торговцев и бизнесменов смотрел свысока. В компании *Lockheed* Возняк-старший разрабатывал системы наведения ракет. «Отец говорил, что карьера инженера – высшее достижение, которого только можно желать, – вспоминал Стив Возняк. – Потому что именно они выводят развитие общества на новый уровень».

Одним из первых детских воспоминаний Возняка было, как он по выходным приходил к отцу на работу и рассматривал электронные детали: «Папа выкладывал их на стол, и я с ними играл». Мальчик зачарованно следил, как отец пытался добиться, чтобы форма сигнала на мониторе оставалась прямой линией и он мог продемонстрировать, что одна из рассчитанных схем работает как надо. «Я понимал: что бы папа ни делал, это правильно и важно». Если Воз, как его с детства все называли, спрашивал, зачем нужны резисторы и транзисторы, валявшиеся по всему дому, отец доставал доску и наглядно объяснял, как они работают. «Рассказ о резисторах папа начал с атомов и электронов. Когда я был во втором классе, он объяснил, что делают резисторы, безо всяких уравнений – просто нарисовал на доске».

От отца Воз усвоил и еще одно важное правило: лгать нехорошо. «Папа считал, что нужно всегда говорить правду. Чего бы это ни стоило. Это самое главное, чему он меня научил. Я по сей день никогда не вру». (Розыгрыши не в счет.) Еще Воз унаследовал отвращение к чрезмерному честолюбию – качество, отличающее его от Джобса. Спустя сорок лет после знакомства, на презентации очередного продукта *Apple*, Воз размышлял об их несхожести: «Отец всегда говорил мне: держись середины. Я не стремился вверх, к людям уровня Стива. Мой отец был инженером, и мне всегда хотелось быть только инженером. Я был слишком застенчив и не мог стать бизнес-лидером, как Джобс».

К четвертому классу Возняк превратился, как он это называет, в одного из «детей электроники». Он свободнее чувствовал себя с транзисторами, чем с девочками. Выглядел Стив довольно нелепо: коренастый, сутулый парень, большую часть времени проводивший над монтажными платами. В том возрасте, когда юный Джобс ломал голову над устройством угольного микрофона, которое отец не мог ему объяснить, Возняк с помощью транзисторов создал систему внутренней связи, куда входили усилители, реле, лампы и звонки. Система соединяла детские комнаты шести соседних домов. Когда Джобс увлекся конструкторами «сделай сам», Возняк собрал приемник и передатчик из деталей, производимых компанией *Hallicrafters*, и вместе с отцом получил лицензию радиолюбителя.

Дома Воз читал отцовские журналы по электронике; его увлекали рассказы о новых компьютерах, например мощном *ENIAC*.²

Поскольку булева алгебра далась Стивену на удивление легко, он восхищался простотой новых вычислительных машин. В восьмом классе, используя теорию двоичных чисел, он собрал калькулятор, на который ушла сотня транзисторов, двести диодов и двести резисторов на десяти монтажных платах. Изобретение получило первый приз на городском конкурсе, который проводили ВВС США, несмотря на то что среди конкурсантов попадались даже двенадцатиклассники.

Когда его сверстники начали встречаться с девушками и ходить на вечеринки, Воз почувствовал себя еще более одиноко: ему куда проще было собирать электросхемы. «Раньше у меня было много друзей, мы катались на велосипедах, общались и так далее, а тут я вдруг я оказался в изоляции, – вспоминает он. – Кажется, так долго я никогда прежде не бывал один: никто со мной даже не разговаривал». Воз нашел отдушину в подростковых проделках. В двенадцатом классе он собрал электронный метроном – прибор, который помогает держать ритм во время занятий музыкой, – и заметил, что его тиканье похоже на работу часового механизма бомбы. Тогда он снял наклейки с нескольких больших батареек, связал их вместе и спрятал в шкафчики, настроив прибор так, что когда дверца открывалась, метроном начинал тикать быстрее. Вскоре его вызвали к директору. Воз решил, что опять выиграл главный школьный приз за знание математики. Но в кабинете его ждала полиция. Директор, мистер Брилд, увидев прибор, не растерялся, схватил «бомбу», выбежал, прижимая к груди батарейки, на футбольное поле и только там оторвал провода. Стив не удержался от смеха. В итоге его отправили в центр для несовершеннолетних правонарушителей. Ночь, проведенная за решеткой, запомнилась ему надолго. Воз научил сокамерников, как подвести к решетке провода от потолочных вентиляторов, чтобы каждого, кто до них дотронется, било током.

Шокировать окружающих для Воя было делом чести. Он гордился тем, что разрабатывает аппаратуру, а это значит, что периодически его бьет током. Как-то он придумал своеобразный вариант рулетки: четверо игроков должны были засунуть большие пальцы в щель; когда шарик выпадал на определенный сектор, одного из участников било током. «Инженеры-электронщики соглашались поиграть, а у программистов кишка оказалась тонка», – усмехался Возняк.

На четвертом году обучения Воз устроился на неполный день в компанию *Sylvania* и получил возможность впервые в жизни поработать на компьютере. Он выучил фортран³ по учебнику и прочитал большинство руководств по существовавшим тогда ЭВМ, начиная с первого коммерческого мини-компьютера *PDP-8* от корпорации *Digital Equipment*. Потом изучил инструкции к новейшим микросхемам и попытался модернизировать с их помощью компьютер. Он поставил себе задачу собрать такую же машину, используя как можно меньше деталей. «Я работал в одиночестве у себя в комнате, закрыв дверь», – вспоминает он. Каждый вечер Воз старался усовершенствовать чертежи, которые сделал накануне. К концу четвертого года обучения он достиг вершин мастерства. «Теперь я проектировал компьютеры, используя в половину меньше микросхем, чем было у существующих моделей. Но все мои идеи оставались на бумаге». Друзьям он об этом не рассказывал. Ведь большинство мальчишек в 17 лет интересуются совсем другим.

В том году на День благодарения Возняк побывал в университете Колорадо. На праздниках университет не работал, но Стив нашел студента инженерного факультета, который показал ему лаборатории. Воз просил отца отправить его туда, но учеба в другом штате была семье

² *ENIAC*, сокр. от *Electronical Numerical Integrator and Computer* (Электронный числовой интегратор и вычислитель) – первый широкомасштабный электронный цифровой компьютер. Создан в 1946 году.

³ *Фортран* – *FORTRAN*, один из первых языков программирования.

не по карману. Тогда они заключили сделку: Стиву разрешат на год уехать в Колорадо, но потом он вернется домой и поступит в колледж Де-Анса. В конце концов Стиву пришлось-таки выполнить это условие. Приехав осенью 1969 года в Колорадо, он столько времени тратил на розыгрыши (например, распечатывал листовки с надписью «К черту Никсона»), что завалил пару экзаменов. Его оставили в университете, но с испытательным сроком. Кроме того, он придумал программу, вычислявшую числа Фибоначчи, которая тратила столько компьютерного времени, что руководство университета пригрозило выставить Стиву счет. Чтобы не рассказывать об этом родителям, Воз предпочел перевестись в Де-Анса.

Прочувшись год в Де-Анса, Воз решил сделать перерыв и подзаработать денег. Он устроился в компанию, выпускавшую компьютеры для автомобильной промышленности. Один из коллег сделал ему замечательное предложение: он даст Стиву необходимые детали, чтобы тот собрал компьютер, который спроектировал. Возняк решил использовать как можно меньше микросхем, чтобы и себя проверить, и не злоупотреблять щедростью коллеги.

Большая часть работы была проделана в гараже друга, обитавшего по соседству, – Билла Фернандеса, который еще учился в Хоумстед. Успехи приятели отмечали крем-содой *Cragmont*; ездили на велосипедах в магазин *Safeway* в Саннивейл сдать бутылки и на вырученные деньги покупали новые порции газировки. «Поэтому мы прозвали наш проект „крем-содовым компьютером“, – объясняет Возняк. По сути это был калькулятор: он умножал числа, которые вводили при помощи набора переключателей, и выводил результат в бинарной кодировке набором светящихся лампочек.

Когда работа над изобретением завершилась, Фернандес рассказал Возняку, что у него есть одноклассник по Хоумстеду, с которым Возу стоит познакомиться. «Его зовут Стив. Он, как и ты, обожает устраивать розыгрыши и увлекается электроникой». Пожалуй, это была самая знаменательная встреча в Силиконовой долине с тех пор, как за 32 года до этого Хьюлетт пришел в гараж к Паккарду. «Мы со Стивом несколько часов сидели на тротуаре перед домом Билла и рассказывали друг другу истории из жизни – в основном о розыгрышах, которые мы устроили, и о своих изобретениях, – вспоминает Возняк. – У нас оказалось много общего. Обычно мне с трудом удавалось объяснить другим, что именно я сейчас придумываю, но Стив ловил на лету. Он мне понравился. Тощий, но крепкий и полный сил». На Джобса новый приятель тоже произвел большое впечатление. «Воз был первым из моих знакомых, кто разбирался в электронике лучше меня, – заметил он однажды (впрочем, преувеличивая собственную компетентность). – Он мне сразу понравился. Я чувствовал себя старше своих лет, а Воз держался как мальчишка, так что в целом мы были ровесниками. Стив был очень умен, но по манерам подросток».

Помимо компьютеров, друзья сошлись на любви к музыке. «Это было время расцвета, – вспоминает Джобс. – Это было все равно что жить в эпоху Бетховена или Моцарта. Правда. Нам еще предстоит это понять. Мы с Возом слушали музыку запоем». В частности, Возняк открыл для Джобса Боба Дилана. «Мы нашли в Санта-Крус парня, который анонсировал концерты Дилана, – рассказывал Джобс. – Все свои концерты Дилан записывал на пленку. Люди в его окружении попадались всякие, в том числе и не очень честные, и вскоре кассеты с этими записями ходили по рукам. И у этого парня все они были».

Охота за записями Дилана превратилась в совместное предприятие. «Мы прочесывали университеты Сан-Хосе и Беркли, узнавали, у кого есть пиратские записи Дилана, и собирали их, – вспоминал Возняк. – Покупали стихи Дилана и до ночи их толковали. Тексты Дилана пробуждают творческую жилку». Джобс добавил: «У меня было свыше ста часов записей, в том числе все концерты с гастролей 1965 и 1966 годов, где он играет на электрогитаре». Оба Стива купили себе катушечные магнитофоны *TEAC*. «Я записывал кассеты на низкой скорости, чтобы больше уместилось», – рассказывал Возняк. Джобс разделял его увлечение: «А я вместо колонок купил пару отличных наушников, часами валялся на кровати и слушал Дилана».

Джобс организовал в Хоумстеде клуб, чтобы устраивать музыкально-световые шоу и розыгрыши (как-то они приклеили к цветочному горшку стульчак, покрашенный золотой краской). Называлось это «Клуб Бака Фрая» – это была анаграмма имени директора. Возняк с товарищем по имени Аллен Баум, хоть уже и окончили школу, в конце третьего года обучения с удовольствием помогли Джобсу устроить прощальную шутку для выпускников. Показывая мне сорок лет спустя кампус Хоумстеда, Стив вспомнил об этой проделке и сказал, указывая на балкон: «Вот туда мы повесили перетяжку, которая скрепила нашу дружбу». На заднем дворе у Баума, на простыне, покрашенной в бело-зеленый (цвета школы), приятели изобразили огромную руку с поднятым средним пальцем. Добрая еврейская мама Баума помогла им с рисунком, показала, как положить тень, чтобы рука выглядела естественно. «Я знаю, что это», – хихикала миссис Баум. Друзья придумали целую систему веревок и блоков, чтобы плакат торжественно опустился ровно в тот момент, когда выпускники пройдут мимо балкона, и написали крупными буквами *SWAB JOB* – инициалы Возняка, Баума и часть фамилии Джобса (фразу можно перевести как «работай поршнем»). Розыгрыш вошел в легенду, а Джобса в очередной раз на время исключили из школы.

Для другого розыгрыша Возняк собрал портативный прибор, испускающий телевизионные сигналы. С этим устройством в кармане он заходил в комнату, где люди смотрели телевизор, например в спальню студенческого общежития, и незаметно нажимал на кнопку. По экрану телевизора шли статические помехи. Когда кто-то вскакивал и хлопал по телевизору, Возняк отпускал кнопку, и появлялось изображение. Так повторялось несколько раз; но самое интересное начиналось дальше. Стив не отпускал кнопку, пока кто-нибудь не поправлял антенну. В конце концов аудитория решала, что нужно держать антенну, стоя на одной ноге или касаясь телевизора. Годы спустя на какой-то важной презентации, когда Джобсу никак не удавалось включить видео, он вспомнил эту историю и рассказал, как они всех разыгрывали: «Воз с этим прибором в кармане заходил в комнату, где несколько человек смотрели, скажем, «Звездный путь», и портил изображение. Кто-то вставал, чтобы все исправить, и Стив тут же отпускал кнопку, а стоило человеку сесть, он снова ее нажимал. – Тут Джобс скрючился по полам и закончил под общий хохот: – И спустя пять минут все уже были вот такие».

Синяя коробочка

Самый искусный розыгрыш с использованием электроники – и приключение, благодаря которому появилась на свет компания *Apple*, – был придуман в один прекрасный воскресный день, когда Возняк прочитал статью в журнале *Esquire*, который мама оставила для него на кухонном столе. Стоял сентябрь 1971 года; на следующий день Стив должен был ехать в Беркли, свой третий по счету университет. В статье Рона Розенбаума «Тайны синей коробочки» описывалось, как хакеры и телефонные мошенники научились бесплатно звонить по междугородней и международной связи, воспроизводя тоны, маршрутизовавшие сигналы в сети *AT&T*. «Дочитав до середины, я позвонил своему лучшему другу, Стиву Джобсу, и зачитал ему длинные выдержки из статьи», – вспоминает Возняк. Он знал, что Джобс, у которого тогда как раз начался четвертый учебный год в Хоумстеде, – один из немногих, кто способен разделить его восторг.

Герой статьи, хакер Джон Дрейпер, получил прозвище Капитан Кранч, потому что обнаружил, что звук игрушечного свистка, прилагавшегося к коробке с одноименными хлопьями для завтрака, совпадает по частоте с сигналом коммутатора, который переключает звонки в телефонной сети (2600 Гц). С его помощью можно было обмануть систему и бесплатно звонить в другие города и страны. В статье также упоминалось, что частота других сигналов, маршрутизирующих звонки, указана в одном из номеров *Bell System Technical Journal*. Разумеется, *AT&T* немедленно обратилась во все библиотеки с просьбой изъять его.

Джобс загорелся желанием раздобыть номер журнала с указанием частот сигналов. «Спустя несколько минут за мной зашел Воз, и мы отправились в библиотеку *SLAC* (Стэнфордского центра линейных ускорителей), чтобы поискать его там», – рассказывал Джобс. Библиотека в воскресенье не работала, но друзья знали дверь, которая почти всегда была открыта. «Помню, как мы судорожно рылись на стеллажах; наконец Воз отыскал нужный номер. „Вот это да!“ – воскликнули мы, открыли журнал – и действительно обнаружили там список. Мы повторяли, как заведенные: „Вот это да! Ничего себе!“ Там было все: тоны, частоты».

В тот же вечер до закрытия Возняк успел заскочить в магазин электроники в Саннивейле и купить детали для аналогового генератора звуковой частоты. С помощью цифрового частотомера, который Джобс в свое время собрал в научно-техническом клубе компании *HP*, друзья намеревались выверять нужные частоты. Наборный диск позволял повторять и записывать звуки, о которых шла речь в статье. К полуночи два Стива были готовы протестировать устройство. К сожалению, генераторы, которые они использовали, оказались недостаточно стабильны и не смогли воспроизвести нужные частоты, чтобы обмануть телефонную компанию. «Нам не удалось добиться стабильного сигнала, – рассказывал Возняк. – Наутро мне нужно было уезжать в Беркли, и мы договорились, что в колледже я сделаю цифровой аналог устройства».

Цифровой версии синей коробочки не существовало в природе, но Воз с радостью ухватился за возможность проверить свои силы. Он взял диоды и транзисторы, производимые компанией *RadioShack*, и с помощью студента-музыканта, у которого был абсолютный слух, ко Дню благодарения собрал нужный прибор. «Ни одной из собранных мною схем я не гордился больше, – вспоминает он. – Я по сей день считаю ее гениальной».

Однажды вечером Возняк приехал из Беркли к Джобсу, чтобы испытать изобретение. Друзья попытались дозвониться до дяди Воя в Лос-Анджелесе, но ошиблись номером. Впрочем, их это ничуть не смутило. Главное, что прибор работал. «Привет! Мы звоним вам бесплатно! Мы звоним вам бесплатно!» – прокричал Возняк в трубку. Абонент на том конце ничего не понял и рассердился, а Джобс добавил: «Мы звоним из Калифорнии! Из Калифорнии! С помощью синей коробочки!» Его слова еще больше озадачили собеседника, который тоже находился в Калифорнии.

Поначалу с помощью синей коробочки друзья устраивали розыгрыши. Самым запоминающимся стал звонок в Ватикан: Возняк притворился Генри Киссинджером и сказал, что хочет поговорить с папой. «Бы да саммите в Москве, и дам дадо поговорить с папой», – произнес Воз. Ему ответили, что в Ватикане половина шестого утра и папа еще спит. Когда Воз перезвонил, ему ответил епископ, который должен был переводить их беседу. Но с папой пообщаться так и не удалось. «Они догадались, что это не Генри Киссинджер, – признавался Джобс. – Потому что мы звонили из уличного телефона-автомата».

Именно тогда сложилась схема их дальнейшего сотрудничества. Джобс сообразил, что с помощью синих коробочек можно не только устраивать розыгрыши, но и получать прибыль. «Я докупил все необходимое: упаковку, блок питания, клавиши – и подсчитал, за сколько мы сможем продавать устройство», – рассказывал Джобс. Позже, когда они с Возом основали *Apple*, роли распределились именно таким образом. Готовый продукт был размером с две колоды игральных карт. Детали обошлись приятелям примерно в 40 долларов, и Джобс решил, что продавать устройства нужно по 150 долларов.

Следуя примеру телефонных мошенников вроде Капитана Кранча, друзья взяли псевдонимы. Возняк стал Беркли Блу, а Джобс – Оуфом Тобарком. Они обходили комнаты общежития, предлагали свое изобретение всем желающим и демонстрировали потенциальным покупателям, как оно функционирует: подсоединяли устройство к телефону и наушникам и звонили в разные места – например, в лондонский отель *Ritz* или в службу телефонных розыгрышей в Австралию. «Мы сделали около сотни синих коробочек и почти все продали», – вспоминал Джобс.

Но после происшествия в пиццерии в Саннивейле веселью пришел конец. Джобс и Возняк собирались ехать в Беркли с синей коробочкой, которую только что закончили. Джобсу были нужны деньги, он хотел продать прибор и предложил его посетителям за соседним столиком. Те заинтересовались; Джобс пошел в телефонную будку и показал, как работает устройство, позвонив в Чикаго. Потенциальные покупатели ответили, что им нужно сходить за деньгами в машину. «Мы с Возом отправились с ними. Синяя коробочка была у меня. Чувак залез в машину, пошарил под сиденьем и достал пистолет», – рассказывал Джобс. Стиву никогда прежде не доводилось видеть оружие так близко; он перепугался до смерти. «Потом прицелился мне в живот и сказал: „Давай ее сюда“. Я растерялся. Подумал: может, успею ударить его дверью машины по ногам и убежать. Но, скорее всего, этот подонок успел бы выстрелить. И я осторожно протянул ему прибор». Ограбление получилось необычное: негодяй, отобравший у друзей синюю коробочку, оставил Джобсу телефон и пообещал заплатить потом, если устройство будет работать. Когда Джобс позвонил по этому номеру, выяснилось, что преступнику так и не удалось разобраться с прибором. Тогда Джобс, не раздумывая ни секунды, уговорил негодяя встретиться с ним и Возняком где-нибудь в людном месте. Но в конце концов друзья перетрусили и решили, что лучше отказаться от 150 долларов, но больше не подставляться под дуло пистолета.

Это небольшое приключение подготовило почву для авантюры посерьезнее. «Без синих коробочек не было бы и *Apple*, – говорил впоследствии Джобс. – Я в этом уверен на все сто. Мы с Возом научились работать вместе, убедились, что можем решать технические задачи и сделать что-то стоящее». Собранная ими крохотная монтажная плата позволяла контролировать инфраструктуру, стоимость которой исчислялась в миллиардах долларов. «Вы даже представить себе не можете, как это нас ободрило, – заключил Воз. – Наверное, не стоило ими торговать, но так мы поняли, чего способны добиться с помощью моих инженерных знаний и деловой жилки Стива». История с синей коробочкой определила принципы их будущего партнерства: Возняк придумывает очередное гениальное изобретение, которым готов поделиться с человечеством просто так, а Джобс решает, как приспособить его к нуждам потребителя, как лучше преподнести, как продавать и как на этом заработать.

Глава 3. Исключение из школы. Включайтесь, настраивайтесь...

Крисэнн Бреннан

К концу четвертого года обучения в Хоумстеде, весной 1972 года, Джобс начал встречаться с Крисэнн Бреннан – девушкой-хиппи, эфемерным созданием со светло-каштановыми волосами, зелеными глазами и высокими скулами. Она была ровесницей Джобса, но училась на курс младше. Хрупкая и нежная Крисэнн была очень красива. Девушка тяжело переживала развод родителей и все воспринимала очень остро. «Мы вместе работали над мультфильмом, потом начали встречаться, и она стала моей первой настоящей девушкой», – рассказывал Джобс. Бреннан вспоминала: «Стив был сумасшедший. Но это меня в нем и привлекало».

Это качество он культивировал в себе сознательно. Именно тогда Джобс начал экспериментировать со строгими диетами – увлечение, которое он пронес через всю жизнь. Он неделями сидел на фруктах и овощах, стал поджарым, как гончая. Стив выучился смотреть на собеседника не моргая, подолгу молчал, а потом вдруг что-то быстро, взалхев говорил. Одновременно замкнутый и напористый, с волосами до плеч и жидкой бородкой, он походил на безумного шамана. Люди либо ненавидели его, либо восхищались харизмой. «Стив смахивал на чокнутого, – говорит Бреннан. – Его часто грызла тоска. Окутывала его, точно грозовая туча».

Джобс тогда уже начал принимать кислоту и посадил на нее Крисэнн. Дело было на пшеничном поле неподалеку от Саннивейла. «Это было что-то невероятное, – вспоминает Стив. – Я слушал Баха, и в какое-то мгновение мне почудилось, что поле тоже играет Баха. На тот момент это было самое яркое переживание в моей жизни. Я словно дирижировал симфонией колосьев».

Летом 1972 года, окончив школу, они с Бреннан перебрались жить в хижину в горах над Лос-Альтосом. «Мы с Крисэнн будем жить в горах», – объявил Стив родителям. Пол рассвирепел. «Ни за что, – отрезал он. – Только через мой труп». Они не так давно поругались из-за марихуаны; но Джобс-младший и на этот раз настоял на своем – попрощался с родителями и был таков.

В то лето Бреннан много рисовала; у нее определенно был талант. Написала картину, на которой был изображен клоун, и подарила Джобсу; Стив повесил подарок на стену. Джобс писал стихи и играл на гитаре. Временами он бывал с Крисэнн холоден и груб, но умел быть очаровательным и настойчивым. «Одухотворенность уживалась в нем с жестокостью, – вспоминала Бреннан. – Странное сочетание».

В середине лета Джобс едва не погиб, когда загорелся его красный «фиат». Они со школьным другом, Тимом Брауном, ехали по шоссе Скайлайн в горах Санта-Крус. Тим оглянулся, заметил вырывающийся из двигателя огонь и сказал Джобсу: «Тормози, машина горит». Джобс остановился. Его отец, несмотря на все разногласия, приехал в горы и отбуксировал «фиат» домой.

Чтобы заработать на новую машину, Джобс подбил Возняка съездить в колледж Де-Ажа посмотреть вакансии на доске объявлений. Друзья выяснили, что торговому центру *Westgate* в Сан-Хосе нужны студенты колледжа на должность аниматоров. За три доллара в час Джобс, Возняк и Бреннан надевали тяжелые костюмы и изображали Алису, Болванщика и Белого Кролика. Возняк, добрая душа, искренне веселился: «Почему бы и нет, сказал я себе. Детей я люблю. И взял отпуск в *HP*. Стив же, мягко выражаясь, был не в восторге от этой работы. А

мне все это казалось забавным приключением». Джобсу это занятие действительно пришлось не по нраву. «Стояла жара, костюмы были тяжелые, а дети попадались такие противные, что руки чесались их отшлепать». Терпением Стив не мог похвастаться никогда.

Университет Рид

Семнадцать лет назад, усыновив Стива, его родители поклялись, что он будет учиться в университете. Им пришлось упорно трудиться и откладывать каждый цент, чтобы скопить денег на обучение. И к тому моменту, как Стив закончил школу, сумма набралась скромная, но достаточная. Но Джобс и тут показал характер. Сначала заявил, что вообще не пойдет ни в какой университет. «Я думал, что если не пойду учиться, то уеду в Нью-Йорк», – размышлял он впоследствии о том, как изменилась бы его жизнь – да и наша тоже, – выбери он этот путь. Однако родители настояли на своем; Стив неохотно подчинился, но капризничать не прекратил. Государственные университеты, например Беркли, где учился Воз, он даже не рассматривал, хотя это обошлось бы гораздо дешевле. Не хотел Стив и в Стэнфорд, который находился в двух шагах от дома и где ему наверняка выплачивали бы стипендию. «Ребята, поступавшие в Стэнфорд, уже знали, кем хотят быть, – говорил Джобс. – Креативности в них было маловато. Мне же хотелось найти место, которое было бы мне интересно и помогло раскрыть творческие способности».

В итоге Джобс остановился на одном-единственном варианте – Риде, частном гуманитарном университете в Портленде, штат Орегон, одном из самых дорогих в Америке. Стив навещал Воza в Беркли, когда позвонил его отец, сообщил, что его приняли в Рид, и попытался отговорить сына там учиться. Мать тоже постаралась образумить Стива. Но Джобс поставил родителям ультиматум: либо он учится в Риде, либо нигде. Как обычно, они подчинились.

В Риде училась всего тысяча человек – вполтину меньше, чем в Хоумстед. Университет славился вольными нравами и хипповским образом жизни, который было не так-то просто совместить со строгими академическими стандартами и насыщенным учебным планом. Пятью годами раньше здесь сживал в позе лотоса Тимоти Лири, гуру психоделики, во время тура по университетам со своей *LSD – League for Spiritual Discovery*, «Лигой духовных открытий», и учил: «Как всякая великая религия прошлого, мы хотим отыскать божественное в себе... И эти древние цели определяем в метафорах современности – включайтесь, настраивайтесь и отпадайте». Многие студенты Рида поняли призыв «отпасть» буквально: количество отчисленных в 1970-е годы составляло более трети от общего потока.

Осенью 1972 года, когда Джобса должны были зачислить в Рид, родители отвезли его в Портленд, но Стив снова уперся и запретил им появляться в колледже. Даже не попрощался с ними и не поблагодарил. Спустя годы он вспоминал об этом с несвойственным ему сожалением: «Это один из немногих поступков, за которые мне по-настоящему стыдно. Я не отличался особым тактом и обидел их. И зря. Они так старались, чтобы я поступил в Рид, но я был против, чтобы они пришли на церемонию. Не хотел, чтобы кто-то узнал, что у меня есть родители. Мне нравилось казаться сиротой, который болтается по стране, путешествует на поездах и возник из ниоткуда – без связей, без корней, без родных и близких».

В 1972 году, когда Джобс поступил в Рид, в университетской жизни Америки наметились существенные перемены. Война во Вьетнаме, а значит, и набор призывников постепенно подходили к концу. Политическая активность и митинги в университетах понемногу сходили на нет; студенты охотнее обсуждали способы самореализации. Значительное влияние на Джобса оказали книги о духовности и просветлении, в особенности «Будь здесь и сейчас» Баба Рам Дасса (настоящее имя – Ричард Альперт), посвященная медитации и расширителям сознания. «Мудрая книга, – вспоминает Джобс. – Она изменила меня и многих моих друзей».

Ближайшим из них был Дэниел Коттке, еще один первокурсник с жидкой бородкой; с Джобсом они познакомились спустя неделю после зачисления в Рид. Друзья сошлись на любви к дзену, Дилану и кислоте. Коттке, родом из богатого нью-йоркского пригорода, был умен, но вял, а увлечение буддизмом еще больше смягчало его и без того добродушную манеру держаться, характерную для поколения детей-цветов. Духовные поиски привели Коттке к отрицанию материального, но магнитофон Джобса ему все-таки понравился. «У Стива был катушечный *TEAC* и куча пиратских записей Дилана, – вспоминает Коттке. – Ему удавалось сочетать духовные интересы с увлечением техникой».

Джобс много времени проводил с Коттке и его подружкой Элизабет Холмс, даже несмотря на то что в первую встречу довел ее до белого каления, выясняя, за какую сумму она согласилась бы переспать с другим мужчиной. Троица вместе ездила автостопом к океану и до ночи беседовала о смысле жизни, посещала праздники любви в местном храме Харе Кришны и ходила в центр дзен-буддизма за бесплатными обедами. «Мы много смеялись, – говорил Коттке, – но и философствовали тоже. Вообще мы относились к дзену очень серьезно».

Джобс часто посещал библиотеку и охотно делился с Коттке книгами по дзену, среди которых были «Ум дзен, ум новичка» Шунрю Сузуки, «Автобиография йога» Парамахансы Йогананды, «Космическое сознание» Ричарда Мориса Бёкка и «Преодоление духовного материализма» Чогьяма Трунгпа. На чердаке над спальней Элизабет друзья оборудовали комнату для медитации: развесили по стенам мандалы, постелили ковер, расставили свечи, благовония, разложили подушки для медитации. «В потолке был люк, который вел на просторный чердак, – рассказывал Стив. – Иногда мы там принимали наркотики, но чаще всего просто медитировали».

Интерес Джобса к восточным духовным практикам не был преходящим юношеским увлечением: Стив взялся за дело со своим обычным напором. «Дзен-буддизм серьезно на него повлиял, – говорил Коттке. – Это заметно и по его пристрастию к минималистской эстетике, и по сосредоточенности». Очень повлияло на Джобса и то, что буддизм во многом опирается на интуицию. «Я начал понимать, что интуитивное осознание гораздо важнее абстрактного мышления и логического анализа», – впоследствии говорил он. Но свойственная ему активность не позволила Стиву достичь подлинной нирваны; углубляясь в познание дзен-буддизма, он не обретал больше внутренней тишины, спокойствия духа или кротости.

Джобс и Коттке полюбили играть в «кригшпиль» – немецкую разновидность шахмат, появившуюся в XIX веке. Игроки садятся спиной к спине; у каждого своя доска и лист бумаги. Противники не видят фигуры друг друга. Арбитр объявляет, возможен ли тот или иной ход, который игроки намереваются сделать, а им на основе этого нужно вычислить, на каких клетках стоят фигуры соперника. «Самая сумасшедшая партия, в которой мне довелось участвовать, состоялась однажды во время грозы, – вспоминает Холмс, обычно выступавшая в качестве арбитра. – Мы сидели у камина. Стив и Дэниел были под кислотой и делали ходы так быстро, что я за ними еле успевала».

Еще одной книгой, оказавшей глубокое, пожалуй, даже слишком глубокое влияние на Джобса в первый год колледжа, стала «Диета для маленькой планеты» Фрэнсиса Мура Лаппе, в которой описывались преимущества вегетарианства – как для отдельно взятого человека, так и для планеты в целом. «Прочитав ее, я навсегда отказался от мяса», – вспоминал Джобс. Книга лишь укрепила его в стремлении соблюдать самые строгие диеты: он очищал кишечник, голодал или употреблял на протяжении нескольких недель всего один-два продукта – например, только морковь или яблоки.

В первый год в колледже Джобс и Коттке стали фанатичными вегетарианцами. «Стив усердствовал еще больше меня, – рассказывает Коттке. – Например, мог есть только кашу из хлопьев *Roman meal*». Друзья ходили за покупками в фермерский магазин; Джобс покупал пачку овсянки, которой хватало на неделю, и другую здоровую пищу. «Он брал финики, мин-

даль, морковь, у нас была соковыжималка, мы делали морковный сок и салаты из моркови. Рассказывают, что однажды он переел моркови и ходил абсолютно оранжевый. И эти слухи не лишены основания». Друзья действительно припоминают, что временами кожа Стива приобретала морковно-рыжий цвет.

Джобс стал питаться еще более странно после того, как он прочитал книгу «Целебная система бесслизистой диеты» немецкого автора Арнольда Эрета, сторонника здорового питания, жившего в начале XX века. Эрет учил, что питаться нужно исключительно фруктами и теми из овощей, которые не содержат крахмала, якобы так в организме не скапливается вредная слизь. Также он советовал регулярно очищать кишечник посредством длительного голодания. Так из рациона Джобса исчезла овсянка, а также рис, хлеб, любая крупа и молоко. Джобс страшил друзей рассказами об опасной слизи, которая копится в их организмах с каждым съеденным бубликом. «Словом, я, как обычно, хватил через край», – признавался Джобс. Как-то раз они с Коттке неделю питались исключительно яблоками; чем дальше, тем строже становились периоды голодания. Джобс начинал с двух дней и постепенно доводил этот срок до недели; после же пил много воды и ел только листовые овощи. «Проходит неделя – и ты чувствуешь себя великолепно, – рассказывал Джобс. – Ты полон сил: ведь тебе не надо тратить энергию на переваривание пищи. Я был в отличной форме. Казалось, могу в любой момент встать и дойти до самого Сан-Франциско, если захочу». (Эрет умер в 56 лет: на прогулке упал и ударился головой.)

Вегетарианство и дзен-буддизм, медитация и духовные практики, рок-н-ролл и кислота – Джобс разделял многие из интересов, характерных для искавших просветления студентов его поколения. Правда, Стив, как водится, доводил все до крайности. Любовь к технике тоже никуда не делась (хотя в Риде он не увлекался электроникой); в один прекрасный день ей суждено было органично дополнить причудливую смесь его увлечений.

Роберт Фридланд

Однажды, когда Джобсу понадобились деньги, он решил продать свою пишущую машинку *IBM Selectric*. Стив вошел в комнату студента, который собирался ее купить, и обнаружил, что тот занимается сексом с подружкой. Стив хотел было уйти, но студент предложил ему присесть и подождать, пока они закончат. «Я подумал: „Во дает!“» – вспоминал Джобс. Так началось его знакомство с Робертом Фридландом, одним из немногих людей в жизни Джобса, кем Стив был просто очарован. Он перенял у Фридланда кое-какие харизматические черты и несколько лет считал его чуть ли не гуру, пока не понял, что перед ним скорее мошенник и шарлатан.

Фридланд был на четыре года старше Джобса, но еще учился на последнем курсе. Сын бывшего узника Освенцима, ставшего процветающим чикагским архитектором, Фридланд до Рида занимался в Боудойне, гуманитарном университете в Мэне. Но на втором курсе его арестовали за хранение 24 тысяч таблеток ЛСД на общую сумму 125 тысяч долларов. В местной газете опубликовали фотографию Фридланда во время ареста: волнистые светлые волосы до плеч, ослепительная улыбка. Роберта приговорили к двум годам заключения в федеральной тюрьме штата Виргиния и условно освободили в 1972 году. Осенью он уехал в Рид, где сразу же баллотировался на пост президента студенческого совета, заявив, что должен очистить свое имя от «судебной ошибки», и выиграл выборы.

Побывав в Бостоне на выступлении Баба Рам Дасса, автора «Будь здесь и сейчас», Фридланд, как Джобс и Коттке, глубоко заинтересовался восточными духовными практиками. Летом 1973 года Роберт ездил в Индию к гуру Рам Дасса, Ним Кароли Баба, также известному как Махарадж-джи. Осенью, вернувшись в Америку, Фридланд взял себе духовное имя и принался расхаживать по кампусу в сандалиях и просторных индийских одеждах. Жил он за тер-

риторией университета, в комнате над гаражом, и Джобс частенько туда заглядывал. Во Фридланде его восхищала скорее уверенность, чем просветленность – реальная или потенциальная. «Он помог мне перейти на новый уровень духовного развития», – признавался Джобс.

Фридланду Стив тоже нравился. «Он вечно ходил босиком, – вспоминал Роберт. – Меня восхищала его увлеченность. Уж если он чем интересовался, то отдавался делу всей душой». Джобс наловчился манипулировать людьми с помощью пристального взгляда и продуманных пауз в разговоре. «Он любил уставиться на тебя, не моргая, смотреть прямо в глаза, задавать вопросы и ждать ответа, гипнотизируя собеседника, точно удав кролика».

По словам Коттке, некоторые индивидуальные особенности, в том числе и те, которые Джобс сохранил на всю жизнь, тот перенял у Фридланда. «От Роберта Стив узнал о поле искажения реальности, – рассказывал Коттке. – Роберт был харизматик, немного аферист и умел настоять на своем. Деятельный, уверенный в себе, немного деспотичный. Стиву импонировали эти черты, и, общаясь с Робертом, он многое от него брал».

У Фридланда Джобс также научился тому, как привлечь к себе всеобщее внимание. «Роберт был экстраверт, харизматик, настоящий продавец, – вспоминает Коттке. – А Стив, когда я познакомился с ним, был застенчив, скрытен, держался в тени. Думаю, это Роберт научил его, как грамотно себя подать, выйти из своей скорлупы, раскрыться, овладеть ситуацией». Фридланду легко удавалось держать публику в напряжении и заражать энтузиазмом. «Стоило ему войти в комнату, как все взгляды тут же обращались на него. Когда Стив только поступил в Рид, он был полной противоположностью Роберта. Но, пообщавшись с ним, начал в чем-то его копировать».

Воскресными вечерами Джобс и Фридланд ходили в храм Харе Кришны на западной окраине Портленда, Коттке и Холмс частенько их сопровождали. Они танцевали и во все горло распевали песни. «Мы доводили себя до неистовства, – вспоминает Холмс. – Роберт терял голову и отплясывал как угорелый. Стив был сдержаннее, словно стеснялся дать волю своим чувствам». После танцев всех друзей кормили вегетарианской пищей.

Фридланд работал управляющим в яблонево́м саду общей площадью 90 гектаров. Сад находился километрах в шестидесяти к юго-западу от Портленда и принадлежал эксцентричному швейцарскому миллионеру по имени Марсель Мюллер. Старик сколотил состояние в Родезии: был главным поставщиком метрического крепежа. Фридланд, увлекшись восточными духовными практиками, организовал в саду коммуну под названием «Единая ферма» (*All One Farm*), где Джобс проводил выходные с Коттке, Холмс и другими такими же искателями просветления. На ферме имелись главный дом, просторный амбар и сарай, где спали Коттке и Холмс. Джобс вместе с другим обитателем коммуны, Грегом Кэлхуном, подрезали ветви яблонь «гравенштейн». «Стив занимался яблонями, – вспоминал Фридланд. – Мы производили сидр, и задачей Джобса было заставить нас подрезать ветки и ухаживать за садом».

Монахи и ученики храма Харе Кришна навещали ферму и готовили вегетарианские блюда, щедро приправленные тмином, кориандром и куркумой. «Стив, приезжая туда, обычно голодал, потом наедался, после чего шел и чистил желудок, – вспоминает Холмс. – Долгие годы я думала, что он страдает булимией. Мне было его ужасно жаль: он так старался выдержать голодовку, но не всегда получалось».

Диктаторские замашки Фридланда начали надоедать Джобсу. «Мне кажется, Стив просто замечал в себе слишком многие черты Роберта», – говорит Коттке. Предполагалось, что коммуна должна стать убежищем от излишних меркантильности и практичности, но Фридланд постепенно превратил ее в бизнес: обитателям коммуны было велено собирать и продавать дрова, изготавливать прессы для отжима яблочного сока и деревянные печи, а также участвовать в других коммерческих предприятиях, за которые им не платили. Однажды ночью Джобсу довелось спать под столом на кухне, и он был немало удивлен, заметив, что члены коммуны втихомолку воруют из холодильника чужие продукты. Жизнь в коммуне оказалась не

для Стива. «Дело приняло слишком материалистический оборот, – вспоминал Джобс. – Люди поняли, что просто гнут спину на Роберта, и потихоньку начали разбегаться с фермы. Меня все это тоже порядком достало».

Много лет спустя, когда Фридланд уже успел поработать в Ванкувере, Сингапуре и Монголии, стал миллиардером, золотопромышленником и владельцем горнодобывающей корпорации, я пригласил его в Нью-Йорке на коктейль. В тот же вечер я написал Джобсу письмо с рассказом о встрече. Спустя час он позвонил мне из Калифорнии и предупредил, чтобы я не верил ни одному слову Фридланда. Объяснил, что у Фридланда недавно начались проблемы из-за того, что некоторые его шахты угрожали окружающей среде, и он связался с Джобсом и попросил его поговорить с Биллом Клинтоном. Но Стив не ответил. «Роберт всегда изображал себя человеком духовным, но из харизматика превратился в обыкновенного мошенника, – сказал Джобс. – Так странно, когда человек, который в юности был тебе духовно близок, превращается в делягу в прямом и переносном смысле слова».

...и отпадайте

В университете Джобсу быстро надоело. Ему там нравилось, но не хотелось посещать обязательные занятия. Если честно, он был даже удивлен, обнаружив, что, несмотря на всю хипповскую романтику, в Риде достаточно жесткие требования к студентам.

Например, предполагалось, что он должен прочесть «Илиаду» и выучить историю Пелопоннесских войн. Джобс пожаловался Возняку, который приехал его навестить, что его заставляют ходить на занятия. Тот ответил: «А что ты хотел? Это же университет. Здесь есть обязательные предметы». Но Джобс на эти курсы ходить отказался, а вместо них посещал занятия по выбору, например уроки танцев: там была творческая атмосфера и можно было знакомиться с девушками. «У меня бы не хватило духу отказаться от обязательных занятий, – говорил Возняк. – В этом-то и разница между мной и Стивом».

Впоследствии Джобс признавался, что ему было стыдно, что он тратит деньги родителей на учебу, от которой, казалось, нет никакого толку. «Все трудовые сбережения моих родителей пошли на оплату моей учебы, – рассказывал он в своей знаменитой речи в Стэнфорде. – А я между тем даже не представлял, чем хочу в жизни заниматься и как университет может помочь мне это понять. При этом тратил на обучение деньги, которые родители копили всю жизнь. Поэтому я решил бросить учебу. Я надеялся, что, может быть, тогда у меня что-то получится».

На самом деле Стиву было жаль уходить из Риды: ему просто больше не хотелось платить за обучение и посещать занятия, которые его не интересовали. Как ни странно, деканат пошел на уступки. «Стив отличался пытливым умом и невероятным обаянием, – вспоминал Джек Дадмэн, декан. – Он отказывался автоматически принимать на веру общепринятые истины, пытался до всего докопаться самостоятельно». Дадмэн разрешил Джобсу слушать лекции и ночевать у друзей в общежитии даже после того, как тот перестал платить за обучение.

«Меня отчислили, и мне больше не нужно было посещать нудные обязательные занятия: я ходил только на те, которые меня по-настоящему интересовали», – вспоминал Джобс. Среди них была каллиграфия, на которую он обратил внимание, заметив, что большинство плакатов в университете выглядят очень красиво. «Я узнал, что такое шрифты с засечками и без засечек, о том, каким должно быть расстояние между разными сочетаниями букв, о том, что такое правильный шрифт. Курс был прекрасный, очень интересный, с историческими экскурсами и необходимой долей творчества, не поддающейся логическому анализу. Мне очень понравилась каллиграфия».

Это еще один пример того, как Джобсу удавалось объединить интерес к искусству с любовью к технологии. Во всех продуктах *Apple* органично сочетаются технические решения, стильный дизайн, ясность и простота; в конце концов, их просто приятно взять в руки. Именно Стив

одним из первых продумал графическое решение интерфейса пользователя, и не в последнюю очередь благодаря курсу каллиграфии. «Если бы в колледже я не увлекся каллиграфией, у *Mac* не было бы множества шрифтов, пропорционального кернинга и интерлиньяжа. А поскольку *Windows* скопирован с *Mac*, то и ни у одного персонального компьютера всего этого не было бы вообще».

Тем временем Джобс продолжал вести в Риде богемный образ жизни. Ходил преимущественно босиком; когда выпадал снег, обувал сандалии. Элизабет Холмс готовила ему еду, стараясь придерживаться правил его диет. Стив сдавал бутылки из-под газировки, получал деньги, по воскресеньям посещал бесплатные обеды в храме Харе Кришна, жил в неотапливаемой комнатухе над гаражом, аренда которой обходилась ему всего в двадцать долларов в месяц. Дома приходилось носить куртку. Когда были нужны деньги, Джобс устраивался техником по обслуживанию электронного оборудования в лабораторию психологического факультета, где изучали поведение животных. Иногда его навещала Крисэнн Бреннан, отношения с которой уже трещали по швам. Стива куда больше интересовало самопознание и духовный поиск.

«Я вырос в потрясающее время, – размышлял впоследствии Джобс. – Мы воспитывались на идеях дзен и на ЛСД». Даже повзрослев, он продолжал верить, что своим просветлением обязан психоделикам. «ЛСД оказал на меня огромное влияние, одно из самых важных в моей жизни. Под кайфом понимаешь, что есть и другая сторона медали; правда, когда отпускает, ничего не помнишь, но тем не менее. Кислота помогла расставить приоритеты: самое важное – заниматься творчеством, изобретать гениальные вещи. Я понял, что хочу вписать свое имя в историю и, насколько это возможно, повлиять на сознание людей».

Глава 4. Atari и Индия. Дзен и дизайн игр

Atari

Проучившись в Риде полтора года, в феврале 1974-го Джобс решил вернуться к родителям в Лос-Альтос и устроиться на работу. Долго искать ему не пришлось. В 1970-е был пик спроса на технических специалистов: объявления о вакансиях в газете *San Jose Mercury* занимали до шестидесяти страниц. Одно из таких объявлений привлекло внимание Джобса. «Зарабатывайте легко и весело», – говорилось в нем. В тот же день Стив явился в компанию *Atari*, занимавшуюся производством видеоигр, и сообщил директору по персоналу (которого и без того шокировала неопрятная прическа и небрежный внешний вид соискателя), что никуда не уйдет, пока они не возьмут его на работу.

В *Atari* в то время жизнь была ключом. Основатель компании Нолан Бушнелл, дородный, харизматичный, с замашками визионера и отчасти афериста, стал для Джобса очередным образцом для подражания. Разбогатец, Бушнелл любил рассекать в «роллс-ройсе», курить траву и проводить рабочие совещания, сидя в горячей ванне. Сила его обаяния была настолько велика, что он без труда подчинял себе других (что в совершенстве умел Фридланд и чему впоследствии научился Джобс): очаровывал, уговаривал, приукрашивал факты, а когда нужно, мог и припугнуть. Главным инженером у него трудился Эл Элкорн, веселый здоровяк, более приземленный и рассудительный, нежели босс. Частенько ему, точно воспитателю, приходилось возвращать Нолана с небес на землю и обуздывать его неумное воображение.

В 1972 году Бушнелл поручил Элкорну адаптировать видеоигру под названием *Pong* для автоматов. Суть ее в том, что двое игроков двумя подвижными линиями, как веслами, бьют по мишени на экране (если вам еще нет сорока, спросите у родителей). Элкорн сделал автомат, потратив всего 500 долларов; изобретение установили в баре на Камино-Реал в Саннивейле. Спустя несколько дней Бушнеллу позвонили и пожаловались, что автомат не работает. Тот послал Элкорна разобраться: оказалось, что машина битком набита мелочью. *Atari* сорвала куш.

Именно Элкорну, в числе прочих, позвонили, когда Джобс в сандалиях заявился в приемную *Atari* и потребовал, чтобы его приняли на работу. «Мне сказали: „К нам пришел какой-то хиппи и угрожает, что никуда не уйдет, пока мы его не возьмем. Вызвать полицию или пустить его к вам в кабинет?“ Я ответил: „Конечно пустить!“»

Так Джобс стал одним из первых пятидесяти сотрудников *Atari*. Устроился техником за пять долларов в час. «Если подумать, странное решение – брать на работу парня, которого отчислили из Риды, – признается Элкорн. – Но я разглядел в нем большой потенциал. Стив был очень умен, любил электронику и горел желанием работать». Элкорн приставил его к чопорному инженеру по имени Дон Лэнг. На следующий день тот пожаловался: «Кого вы мне всучили? Какой-то вонючий хиппи! Да еще и нахал в придачу». Джобс полагал, что если питаться одними фруктами, то избавишься не только от слизи, но и от запаха пота, даже если моешься редко и дезодорантом не пользуешься. Практика показала, что это заблуждение.

Лэнг и другие сотрудники просили уволить Джобса, но Бушнелл решил иначе. «Меня не волновали ни хамство, ни вонь, – рассказывает он. – Стив был вспыльчив, но он мне нравился. И я велел ему выходить в ночную смену. Так мне удалось оставить его в компании». Джобс приходил на работу, когда Лэнг и остальные уходили домой, и работал до утра. Но и с таким графиком ему удалось прослыть записным нахалом. В тех немногих случаях, когда ему доводилось сталкиваться с другими сотрудниками, он не упускал возможности сообщить им,

что они «тупые говнюки». Джобс так и остался при этом мнении. «Я смог выделиться только потому, что остальные никуда не годились».

Несмотря на заносчивость (а может, и благодаря ей), Стиву удалось понравиться боссу *Atari*. «Он был философом, в отличие от многих, с кем мне приходилось работать, – вспоминал Бушнелл. – Мы частенько рассуждали о свободе воли и предопределении. Я утверждал, что все предопределено, что мы запрограммированы. И если знать наверняка, то можно предсказывать действия других людей. Стив считал иначе». Джобс верил, что сильная воля может изменить мир.

Он многому научился в *Atari*. Помог улучшить некоторые игры, предложив интересный и стильный дизайн. Любовь Бушнелла к преувеличениям, стремление играть по своим правилам передались Джобсу. Еще ему импонировала простота игр *Atari*. Инструкций к ним не полагалось, а значит, они должны были быть настолько просты, чтобы даже вдрызг пьяный новичок разобрался, что к чему. Например, правила игры «Звездный путь» включали всего два пункта: «1. Вставьте монету. 2. Уворачивайтесь от клингонов».

Однако не все коллеги сторонились Джобса. Он подружился с конструктором Роном Уэйном, который до *Atari* работал в собственной инженерно-технической компании, производившей игровые автоматы. Правда, в конце концов фирма разорилась. Мысль о том, что можно основать свою компанию, привела Стива в восторг. «Рон был потрясающий, – рассказывал Джобс. – У него была своя фирма. Я никогда раньше не встречал таких людей». Он предложил Уэйну открыть совместное предприятие, чтобы придумывать и изготавливать игровые автоматы; сказал, что возьмет в кредит 50 тысяч долларов. Но Рон уже один раз прогорел, так что сразу отказался. «Я ответил, что это простейший способ потерять 50 тысяч, – вспоминает Уэйн. – Но мне понравилось, что Стив загорелся идеей начать собственный бизнес».

Однажды Джобс пришел в гости к Уэйну; как обычно, они вели философские беседы, как вдруг Рон сообщил, что хочет кое в чем признаться Стиву. «Кажется, я догадываюсь, о чем речь, – ответил тот. – Тебе нравятся мужчины». Уэйн кивнул. «Среди моих знакомых Рон был первым, про кого я знал, что он гей, – вспоминает Джобс. – Он мне сам все объяснил». Стив спросил приятеля: «Что ты чувствуешь, глядя на красивую женщину?» – и Уэйн ответил: «То же самое, что и глядя на красивую лошадь. Понимаешь, что она хороша, но заниматься сексом с ней не хочется. Просто любишься красотой». Уэйн вспоминал, что проникся доверием к Стиву и поэтому ему все рассказал. «В *Atari* никто ничего не знал. Тех, кому я за всю жизнь признался, что гей, можно по пальцам сосчитать. А ему я доверился. Я чувствовал, что Стив все правильно поймет и это никак не помешает нашей дружбе».

Индия

В 1974 году Джобсу срочно понадобилось заработать еще и потому, что Роберт Фридланд, годом ранее побывавший в Индии, уговаривал его туда поехать. В Индии Фридланд учился у Нима Кароли Бабы (Махарадж-джи), гуру большинства хиппи 1960-х годов. Джобс решил, что ему тоже необходимо побывать в Индии, и уговорил Дэниела Коттке поехать с ним. Для Стива это было не просто приключение. «Я ехал искать себя, – признавался он. – Надеялся достичь просветления, понять, кто я, что мне делать дальше». Коттке добавлял, что духовные поиски Джобса были отчасти обусловлены тем, что он не знал, кто его настоящие родители. «В его душе была пустота, которую он стремился заполнить».

Сообщение о том, что Джобс увольняется из *Atari* и едет в Индию на поиски своего гуру, добродушного Элкорна только развеселило. «Стив зашел, уставился на меня в упор и заявил: „Я еду на поиски гуру“, а я ответил: „Ух ты, круто! Ну пиши, как дела“. Он попросил меня помочь оплатить поездку, но я сказал: „Вот уж дудки!“» Но в конце концов Элкорн придумал выход. *Atari* производила детали и отправляла в Мюнхен, где их вставляли в готовые автоматы,

которые продавали оптовому покупателю в Турине. И тут возникала одна проблема. Игры создавались для Америки; соответственно, частота смены кадров была 60 в секунду против 50 европейских. Элкорн с Джобсом придумали, как это исправить, и решили, что Стив отправится в Европу, чтобы на месте разобраться, а компания оплатит ему эту поездку. «Оттуда перелет в Индию выйдет дешевле», – пояснил Элкорн. Джобс согласился, и Эл отправил его в Германию, попросив на прощанье передать привет гуру.

Несколько дней Джобс провел в Мюнхене. Он успешно решил проблему совместимости, но успел вызвать раздражение чопорных немецких руководителей. Они пожаловались Элкорну, что от Джобса воняет, как из помойки, а ведет он себя вызывающе. «Я поинтересовался: „Но проблему он решил?“ Да, говорят. Тогда я ответил: „Ну, если возникнут еще какие-нибудь вопросы, звоните, у меня таких ребят много!“ – „Нет-нет, спасибо, сами справимся“». Джобс, со своей стороны, злился, что немцы пытались кормить его картошкой с мясом. «Какая вегетарианская пища, они даже слова такого не знают!» – жаловался он по телефону Элкорну.

В Турине, куда он приехал на встречу с дистрибьютором, ему понравилось больше: итальянская паста и гостеприимство хозяина пришлись Стиву по душе. «Я провел две чудесные недели в Турине. Такой оживленный промышленный город, – вспоминал Джобс. – Дистрибьютор оказался замечательным человеком. Каждый вечер приглашал меня поужинать в ресторан, где было всего восемь столиков и никакого меню. Просто говоришь официанту, чего хочешь, и тебе это готовят. Один из столиков был зарезервирован за президентом *Fiat*. В общем, место шикарное». Из Турина Стив отправился в Швейцарию, в Лугано, где остановился у дяди Фридланда, а оттуда уже улетел в Индию.

Он спуститься по трапу самолета в Нью-Дели, и на него тут же дохнуло удушливой жарой, несмотря на то что стоял только апрель. Джобсу сказали название отеля, но тот оказался переполнен, и Стив отправился в гостиницу, которую порекомендовал ему водитель такси: «Он наверняка получал за это какие-то проценты, потому что привез меня в полнейшую дыру». Стив спросил хозяина, фильтрованная ли вода в кране, и имел неосторожность ему поверить. «Я моментально подхватил дизентерию. Мне было очень плохо, поднялась температура. За неделю я похудел на 15 килограммов».

Немного оклемавшись, Стив решил, что из Дели надо срочно уезжать. Он отправился в Харидвар, город в западной части Индии, у истоков Ганга, где каждые три года проходил крупнейший индуистский фестиваль под названием Мела. Оказалось, что 1974 год – завершение двенадцатилетнего цикла, следовательно, праздник будет еще более пышным, так называемая Кумбха-мела. Десять миллионов паломников съедутся в город размером с Пало-Альто, где живет всего сто тысяч человек. «Святые были повсюду. Куда ни кинь, палатки: в одной один учитель, в другой – другой. Погонщики слонов и тому подобное. Я пробыл там всего несколько дней и решил, что пора сваливать».

Поездом и автобусом Стив добрался до деревни в предгорьях Гималаев неподалеку от Наинитала. Там обитал Ним Кароли Баба, вернее, стоял его дом. К приезду Джобса гуру уже не было в живых, по крайней мере в прежнем земном воплощении. В одном семействе Джобс снял комнату с тюфяком на полу; хозяйева кормили Стива вегетарианскими блюдами и помогли восстановить силы после болезни. «У них оказалась «Автобиография йога» на английском; ее оставил предыдущий путешественник. От нечего делать я ее несколько раз перечитал. Еще я бродил по окрестностям и в целом оправлялся от болезни». В ашраме Джобс познакомился с Ларри Бриллиантом, эпидемиологом, боровшимся с оспой; впоследствии он отвечал в компании *Google* за благотворительность и руководил фондом Сколла. Стив и Ларри подружились на всю жизнь.

Как-то Джобсу рассказали о юном индийском праведнике, который должен был встретиться с учениками в гималайском поместье одного богатого бизнесмена. «Это был шанс познакомиться с просветленным человеком, пообщаться с его последователями, ну и поесть,

конечно. Помню, как мы шли туда, и едой пахло так, что у меня слюнки текли. Я ужасно проголодался». Когда Стив ел, праведник (оказавшийся не намного старше Джобса) заметил его в толпе, указал на него пальцем и расхохотался как сумасшедший. «Подбежал ко мне, схватил за руку, присвистнул и говорит: „Ты как ребенок“, – вспоминает Джобс. – Меня его внимание насторожило». А праведник потащил Стива прочь из толпы, в горы, к колодцу у маленького пруда. «Мы сели, и тут он вынул бритву. Я решил, что праведник спятил, перепугался, но он достал кусок мыла, намылил мне голову – у меня тогда были длинные волосы – и обрил налысо. Сказал, что спасает мне жизнь».

В начале лета в Индию прилетел Дэниел Коттке, и Джобс отправился в Нью-Дели его встречать. Они много путешествовали по стране, в основном автобусом. К этому времени Джобс уже не искал гуру, который поделится с ним мудростью, а пытался достичь просветления с помощью аскезы, голодания и простоты. Внутренней тишины ему добиться так и не удалось. Коттке вспоминал, как Стив рассердился на торговку с деревенского рынка, продававшую им молоко, кричал, что она разбавляет молоко водой.

Джобс мог быть и щедрым. В Манали, неподалеку от границы с Тибетом, у Коттке украли спальный мешок с дорожными чеками. «Стив меня кормил и купил мне билет на автобус до Дели», – вспоминает Коттке. Еще Джобс отдал приятелю сто долларов – все, что у него оставалось.

Осенью по дороге домой Стив остановился в Лондоне у женщины, с которой познакомился в Индии. Оттуда был дешевый чартерный рейс до Окленда. Родителям Стив писал редко, а почту забирал в офисе *American Express*, если случалось пройти мимо, поэтому Пол и Клара очень удивились, когда сын позвонил им из аэропорта и попросил его встретить. Они тут же отправились из Лос-Альтоса в Окленд. «Я был бритый налысо, в индийской одежде из хлопка, красно-коричневый от загара, – вспоминает Джобс. – Сажу в аэропорту, смотрю, идут родители. Не узнали меня, прошли мимо, причем раз пять. Наконец, мама подошла и спросила: „Стив, это ты?“, а я ответил: „Привет!“»

Родители отвезли сына в Лос-Альтос, где он продолжал искать себя. Причем просветлялся Стив самыми разными способами. Утром и вечером медитировал и изучал дзен, а в промежутках слушал лекции по физике и инженерному делу в Стэнфорде.

Поиск

Интерес Джобса к восточной философии, индуизму, дзен-буддизму, поиск просветления не был всего лишь преходящим увлечением 19-летнего юноши. Стив всю жизнь старался следовать большинству основных правил восточных вероучений, например стремлению к правде, то есть высшей мудрости и божественной интуиции, которой можно достичь путем концентрации. Годы спустя, сидя у себя в саду в Пало-Альто, Джобс размышлял о влиянии, которое оказало на всю его жизнь путешествие в Индию:

Вернувшись в Америку, я испытал больший культурный шок, нежели когда приехал в Индию. Люди в индийской глубинке не мыслят категориями, привычными для западного человека: они доверяют интуиции, и она у них развита гораздо тоньше, чем у жителей других стран. Я считаю, что интуиция – мощнейший способ познания мира, гораздо более эффективный, нежели рассудок. Она оказала огромное влияние на мою работу.

Западный рационализм – не врожденное, а благоприобретенное свойство человека и величайшее достижение нашей цивилизации. Индийских крестьян никто никогда этому не учил. Зато они знают кое-что другое, что в

определенных ситуациях более ценно; но, разумеется, не во всех. Такова сила интуиции и эмпирики.

Вернувшись в Америку спустя семь месяцев, проведенных в индийских деревнях, я осознал безумие западного человека – наравне с его способностью рационально мыслить. Если сесть и сосредоточиться, то можно заметить, до чего возбужден наш ум. И если попытаться его успокоить, будет только хуже. Однако со временем он все-таки успокаивается, и тогда начинаешь слышать более тонкие вещи. Тогда-то и расцветает интуиция. Ты яснее смотришь на вещи и живешь в настоящем. Ум работает не так быстро, ты чувствуешь величие каждого мгновения. Вообще видишь гораздо больше прежнего. Это внутренняя дисциплина, ей нужно учиться.

Дзен глубоко повлиял на всю мою жизнь. Одно время я хотел отправиться в Японию и попытаться поступить в школу при храме Эйхэйдзи, но мой духовный наставник уговорил меня остаться в Америке. Сказал, что там нет ничего, чего не было бы здесь. И оказался прав. Я понял истинность дзенской поговорки: если ты намерен объехать весь мир в поисках гуру, найдешь его в соседнем доме.

Джобс на самом деле нашел духовного учителя в Лос-Альтосе, причем недалеко от дома. Шунрю Сузуки, автор книги «Ум дзен. Ум новичка» и руководитель центра дзен-буддизма в Сан-Франциско, каждую среду читал в городе вечернюю лекцию и проводил медитацию с группой учеников. Вскоре Джобсу и остальным этого показалось мало, и Сузуки попросил своего помощника Кобуна Чино Отогаву открыть в городе центр, который работал бы всю неделю. Джобс, как и его тогдашняя подруга Крисэнн Бреннан, Дэниел Коттке и Элизабет Холмс, стал преданным последователем учителя. Он также начал посещать ретриты в центре дзен «Тассакхара» – монастыре неподалеку от Кармела, где также преподавал Кобун.

Коттке считал Кобуна забавным. «По-английски он говорил ужасно, – вспоминает Дэниел. – Изъяснялся в лирической многозначительной манере, как будто сочинял хокку. Мы сидели и слушали его, чаще всего просто не понимая, о чем он вообще. Я воспринимал все это как веселое предисловие». Элизабет Холмс, девушка Коттке, лучше разбиралась в происходящем. «Мы приходили на медитацию к Кобуну, садились на подушки дзафу, а Кобун сидел на возвышении, – рассказывала она. – Мы учились концентрироваться. Это было что-то волшебное. Однажды вечером мы медитировали с Кобуном. Шел дождь. И учитель объяснил нам, как с помощью доносящихся снаружи звуков сосредоточиться на медитации».

Джобс всей душой отдался новому увлечению. «Стив стал очень серьезным, важным и в целом просто невыносимым», – вспоминает Коттке. Джобс встречался с Кобуном практически ежедневно, а раз в несколько месяцев они вдвоем уединялись для углубленной медитации. «Встреча с Кобуном очень много значила для меня. Мне хотелось проводить с ним как можно больше времени, – признавался Джобс. – Его жена работала медсестрой в Стэнфорде. У них было двое детей. Когда она выходила в вечернюю смену, я весь вечер проводил с Кобуном. Около полуночи жена возвращалась и выставляла меня за дверь». Время от времени Джобс заводил разговор о том, что хочет целиком и полностью посвятить свою жизнь духовным поискам, но Кобун его отговаривал – говорил, что Стив может заботиться о душе, продолжая заниматься бизнесом. Их дружба оказалась крепкой и долгой; семнадцать лет спустя Кобун провел церемонию бракосочетания Джобса и Лорен.

Напряженные поиски себя заставили Стива пройти курс терапии первичного крика, которую в 1970 году придумал и популяризировал Артур Янов, психотерапевт из Лос-Анджелеса. Лечение основывалось на предположении Фрейда о том, что психологические проблемы обусловлены вытесненными в подсознание детскими травмами. Янов утверждал, что с ними можно справиться, заново испытав болезненные переживания и при этом открыто выражая

свои чувства (иногда воплями и стонами). Джобсу это подходило больше обычной беседы с психотерапевтом, потому что тут требовались не логический анализ, а интуитивное переживание и эмоциональный отклик. «Нужно было не думать, а делать, – рассказывал Джобс, – закрыть глаза, задержать дыхание, вспомнить и выйти после сеанса обновленным».

Группа последователей Янова вела проект под названием «Орегонский центр чувств» (*Oregon Feeling Center*) в старом отеле в Юджине; управлял всем (что, пожалуй, неудивительно) гуру Джобса из университета Рид Роберт Фридланд, чья «Единая ферма» находилась неподалеку. В конце 1974 года Джобс записался на трехмесячный курс терапии, который обошелся ему в тысячу долларов. «Вопросы личностного роста очень занимали нас со Стивом, и мне хотелось пойти с ним, – вспоминает Коттке, – но мне этот курс оказался не по карману».

Близким друзьям Джобс признавался, что хочет научиться справляться с болью, которую испытывал из-за того, что его усыновили и он не знает своих настоящих родителей. «Стив мечтал познакомиться с родителями, чтобы лучше познать себя», – утверждал впоследствии Фридланд. От Клары и Пола Стив узнал, что его настоящие родители были выпускники университета и что его отец, скорее всего, сириец. Он даже подумывал нанять частного детектива, но отказался от этой мысли. «Я не хотел ранить чувства родителей», – объяснял он, имея в виду Клару и Пола.

«Он пытался смириться с тем, что его усыновили, – говорит Элизабет Холмс. – Стив понимал, что должен справиться со своими чувствами». Джобс сам признался в этом Холмс. «Меня это мучит; значит, нужно сконцентрироваться на этом», – говорил он. С Грегом Кэлхуном он был еще откровеннее. «Стив постоянно анализировал свои переживания по поводу усыновления и часто обсуждал это со мной, – вспоминал Кэлхун. – С помощью терапии первичного крика и диеты, изгоняющей слизь, он пытался очиститься и глубже проникнуть в ощущение фрустрации, связанное с усыновлением. Стив не скрывал, что предательство биологических родителей приводит его в ярость».

В 1970 году Джон Леннон тоже прошел курс терапии первичного крика и в декабре того же года выпустил песню *Mother* совместно с *Plastic Ono Band*. В песне рассказывалось о чувствах Леннона к отцу, который их бросил, и матери, которую убили, когда Джон был подростком. В припеве повторялась строчка: «Мама, не уходи, папа, вернись домой». Холмс вспоминает, что Джобс частенько наигрывал ее на гитаре.

Впоследствии Джобс признавался, что учение Янова не очень ему помогло. «Он предлагал готовое консервативное решение, которое мне показалось излишне упрощенным. Мне быстро стало ясно, что никаких глубоких прозрений не откроется». Но Холмс утверждает, что курс терапии помог Джобсу поверить в себя. «Стив очень изменился, – вспоминает она. – Обычно грубый, раздражительный, он на какое-то время стал спокойнее, увереннее в себе».

Постепенно Джобс стал понимать, что может внушать уверенность другим и заставлять их совершать поступки, на которые они не отваживались. Холмс вступила в религиозную секту в Сан-Франциско и рассталась с Коттке: учение требовало от своих адептов, чтобы они порвали всякую связь с прошлым. Но Джобс плевать хотел на запреты. В один прекрасный день приехал в общинный дом на своем *Ford Ranchero*, заявил, что направляется на ферму к Фридланду и что Холмс тоже там ждут. Мало того, часть пути вести машину придется ей, несмотря на то что она не умела водить автомобиль с ручной коробкой передач. «Мы выехали на шоссе, Стив заставил меня сесть за руль и сам переключал передачи, пока мы не разогнались до 90 километров в час, – вспоминает Элизабет. – Тогда он поставил альбом Дилана *Blood on the Tracks*, положил мне голову на колени и уснул. Стив всегда вел себя так, будто способен на все, а значит, и остальные тоже все могут. Он доверил мне свою жизнь. И это заставило меня сделать то, на что я раньше не осмелилась бы».

Это положительная сторона явления, известного как «поле искажения реальности». «Если веришь Стиву, то сможешь все, – говорит Холмс. – Если он что-то решил, то непременно сделает».

Прорыв

Однажды в начале 1975 года в кабинет Эла Элкорна в *Atari* влетел Рон Уэйн. «Представляешь, Стиви вернулся!» – воскликнул он. «Ого! Так пусть зайдет», – ответил Элкорн.

Вошел Джобс, босиком, в темно-оранжевой одежде, с книгой «Будь здесь и сейчас» в руках. Он протянул ее Элкорну и потребовал, чтобы тот обязательно ее прочитал. «Я могу вернуться на работу?» – поинтересовался Джобс.

«Стив походил на кришнаита, но я был очень рад его видеть, – вспоминал Элкорн. – Поэтому, разумеется, ответил „да“».

Ради спокойствия в коллективе работать Джобсу, как и прежде, приходилось по ночам. После ужина к нему заглядывал Возняк, который, устроившись в *HP*, снимал квартиру неподалеку, – поболтать и поиграть в видеоигры. К *Pong* он пристрастился в боулинге Саннивейла и даже собрал для себя приставку к телевизору.

В конце лета 1975 года Нолан Бушнелл, наплевав на всеобщее мнение, что время таких игр прошло, решил разработать версию *Pong* для одного игрока. Вместо того чтобы играть с партнером, нужно было бить мячом по стенке, из которой от каждого удара выпадал кирпичик. Нолан вызвал Джобса, нарисовал на доске эскиз и поручил Стиву воплотить замысел. И добавил, что если Джобсу удастся собрать игру, потратив менее пятидесяти деталей, то за каждую сэкономленную деталь он получит вознаграждение. Бушнелл знал, что Джобс не самый лучший инженер, но справедливо предположил, что тот привлечет к работе Возняка, который частенько навещал друга. «Для меня это было вдвойне выгодно, – вспоминает Бушнелл. – Потому что Воз как инженер, конечно, был намного способнее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.